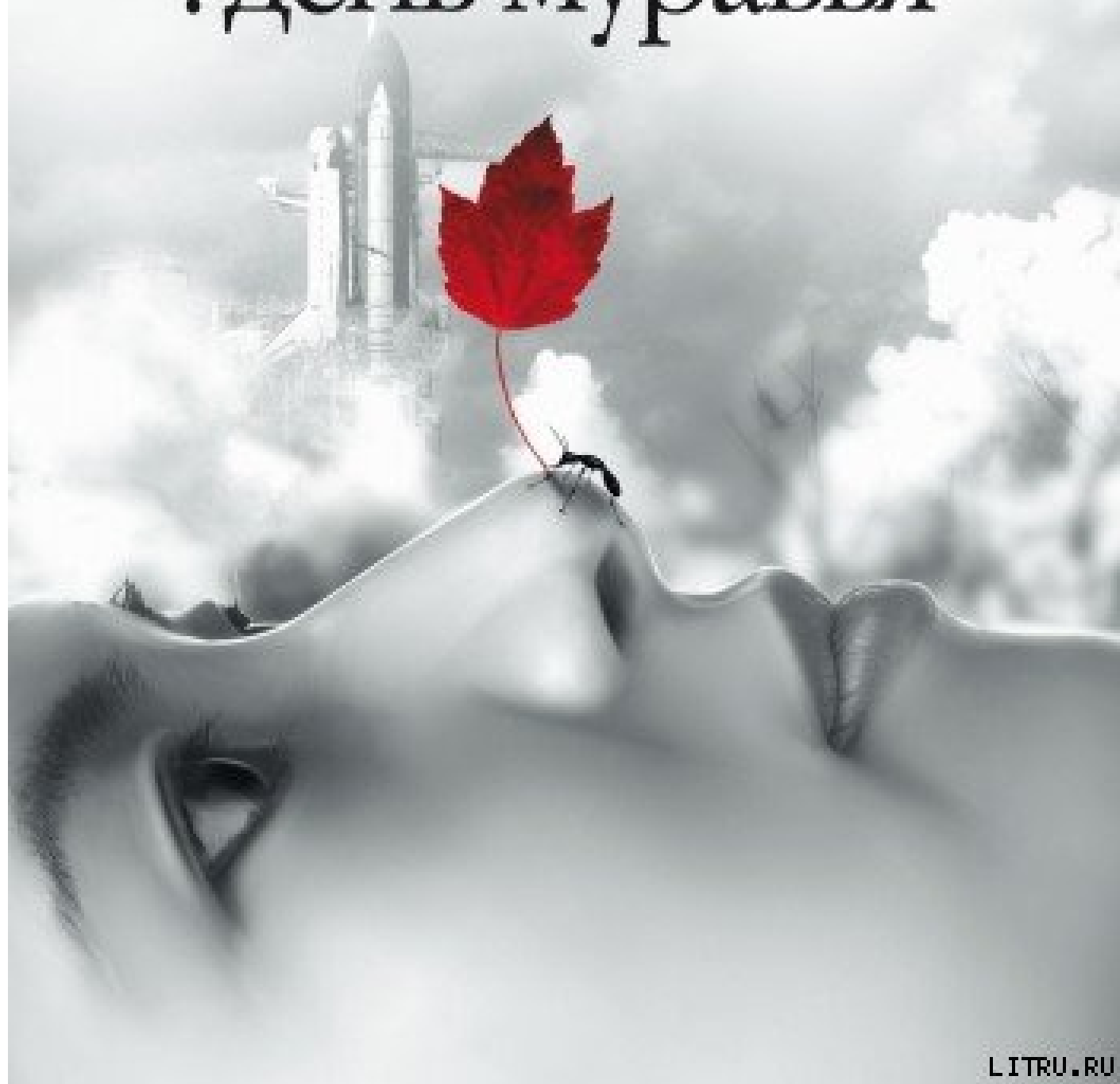

бернар
[вербейер]

: день муравья

Этот многомиллионный город занимает на поверхности земли всего два квадратных метра!
Его жильцы – самые трудолюбивые существа в мире!
Их умение подчиняться правилам – мечта любого диктатора!
Их интеллекту можно только позавидовать!
Они – муравьи!
И они живут среди нас.
Или это мы живем среди них?
Чья цивилизация окажется жизнеспособнее?

Бернар Вербер

День муравья

Спасибо:

Жерару и Дениэлю Амзаллагам, Давиду Бошару, Фабрису Соже, Эрве Дезенжу, доктору Мишелю Дезеральду, Патрику Филиппини, Люку Гомелю, Жоэль Эрсан, Ирине Анри, Кристине Жоссе, Фредерику Ленорману, Мари Лаг, Эрику Натафу, профессору Пассра, Оливье Рансону, Жилю Рапопорту, Рен Сильбер, Ириту и Дотану Сломка.

NB.: Не забываю и о тех деревьях, которые послужили сырьем для бумаги, необходимой для издания книг «Муравьи» и «День муравья». Без них это было бы невозможно.

**Первый аркан:
Хозяева рассвета**

1. Панорама

Минул год. В безлунном августовском небе мерцают звезды. Темнота понемногу рассеивается. Появляются слабые проблески света. И вот уже над лесом Фонтенбло потянулись полосы тумана. Они быстро исчезают под огромным пурпурным солнцем. Все засверкало от росы. Паучьи паутины превращаются в варварские скатерти из оранжевого жемчуга. Надвигается жара.

Под ветвями подрагивают крошечные создания. И в траве, и среди папоротников. Повсюду. Они самых разных видов, и их не сосчитать. Чистые капли росы омывают землю, на которой скоро развернется очень-очень странное собы...

2. Три шпиона в самом сердце

Скорее, вперед.

Приказ-запах предельно ясен: нечего терять время на праздные созерцания. По тайному коридору быстро продвигаются три темные фигуры. Тот, что шагает по потолку, и чувства свои поднял на эту высоту. Ему предлагают спуститься, но он отвечает, что вниз головой ему удобнее. Он любит смотреть на мир наоборот.

Никто не возражает. Почему бы и нет? Трио сворачивает в узкий проход. Они должны обследовать каждый закоулок, прежде чем решиться на следующий шаг. Все выглядит слишком спокойным, это даже пугает.

Они пробрались в самое сердце города, то есть в самую охраняемую зону. Их шаги становятся осторожней. Стены галереи гладкие, почти полированные. Пришельцам скользко на сухих листьях. Дурное предчувствие переполняет кровеносные сосуды в их рыжих телах.

Наконец они добрались до зала.

Вдыхают запахи. Здесь пахнет смолой, углем и кориандром. В этом помещении находится одно из самых важных нововведений. В других мирмекийских [\[1\]](#) городах в галереях держат расплод и хранят продукты. Но в прошлом году, как раз перед зимней спячкой, кто-то высказал предложение:

«Нельзя допустить, чтобы наши идеи пропали.

Поколения в Стае сменяются слишком быстро.

Мысли наших предков должны послужить нашим детям».

Концепция сохранения мыслей была совершенно новой для муравьев. Однако у большинства сограждан она вызвала воодушевление. Каждый пришел излить в специальные сосуды феромоны своих знаний. Затем их рассортировали по темам.

Отныне все их знания собраны в этой просторной галерее – «Химической библиотеке».

Три пришельца в восхищении, но заметно нервничают. Подрагивания усиков выдают их смятение.

Вокруг по шесть штук в ряд стоят мерцающие яйцеобразные сосуды: аммиачные пары делают их похожими на теплую кладку. Но только под прозрачной скорлупой нет никакой зреющей жизни. Они пересыпаны песком и переполнены рассказами-запахами на сотни тем: здесь история королевских династий, современная биология, зоология (много зоологии), органическая химия, земная география, геологические сведения о подземных залежах песка, стратегии знаменитых массовых сражений, территориальная политика последних десяти тысяч лет. Есть даже кулинарные рецепты и планы тех уголков города, которые пользуются дурной славой. Движение усиков.

Быстрее, быстрее, надо спешить, не то...

Они торопливо чистят свои чувствительные отростки тысячеволосыми щеточками, расположенными на локтях. Начинают перебирать капсулы с феромонами памяти. Едва касаясь яиц кончиками чувствительных отростков, определяют, что там внутри.

Вдруг один из трех муравьев замирает. Ему показалось, что он уловил какой-то шум. Шум? Каждый боится, что на этот раз их обнаружат.

Лихорадочное ожидание. Что же это может быть?

3. У братьев Сальта

– Пойди открой, это наверняка мадемуазель Ногар!

Себастьян Сальта поднялся во весь свой огромный рост и повернул ручку двери.

– Привет, – сказал он.

– Привет, ну как, готово?

– Да. Все готово.

Братья Сальта принесли большую полистиреновую коробку и вынули из нее стеклянный шар с обрезанным верхом, наполненный коричневыми зернышками.

Все склонились над сосудом, Каролина Ногар не удержалась и погрузила туда правую руку. Темный песок заструился между ее пальцами. Она вдыхала его запах, будто это был кофе с изысканным ароматом.

– Трудновато пришлось?

– Не то слово, – хором ответили братья Сальта. Один из них добавил:

– Но оно того стоило!

Себастьян, Пьер и Антуан Сальта были колоссами. Каждый метра под два ростом. Они сели на пол и тоже запустили руки в этот шар.

Три свечи в высоком подсвечнике освещали эту странную сцену желтовато-оранжевыми отсветами.

Каролина Ногар аккуратно укутала шар толстым слоем нейлоновой ваты и уложила в чемодан. Взглянув на трех великанов, она улыбнулась им. Затем молча удалилась.

Пьер Сальта облегченно вздохнул:

– Думаю, на этот раз мы у цели!

4. Гонка-преследование

Ложная тревога. Это сухой листик. Три муравья продолжают свои поиски.

Один за другим они обнюхивают сосуды, наполненные жидкой информацией.

Наконец находят то, что ищут.

К счастью, это было не слишком трудно. Они бережно передают драгоценный предмет из лапок в лапки. Это наполненное феромонами яйцо герметично запечатано каплей сосновой смолы. Они откупоривают его. Первый запах целиком окутывает усики каждого из них, от первого до одиннадцатого сяжкового сегмента.

Расшифровка запрещена.

Прекрасно. Лучшего знака качества и быть не может. Они устанавливают яйцо и жадно погружают в него усики.

Текст-запах поднимается к извилинам их мозга.

Расшифровка запрещена.

Феромон памяти № 81 Тема:

Автобиография

Мое имя – Шли-пу-ни. Я дочь Бело-кью-кьюни.

33-я королева династии Ни, и я являюсь единственной плодущей самкой^[2] города Бел-о-кан.

Так меня звали не всегда. Прежде чем стать королевой, я была 56-й принцессой Весны. Таковы моя каста и номер кладки.

В юности я думала, что город Бел-о-кан – это центр вселенной. И что мы, муравьи, – единственные цивилизованные создания на планете. Что термиты, пчелы и осы – это дикие племена, которые не в состоянии перенять наши обычаи в силу своей ограниченности.

Я думала, что другие виды муравьев деградировали, а карликовые муравьи слишком малы, чтобы серьезно угрожать нам.

В те времена я жила в заточении в гинекее^[3] девственных принцесс Закрытого города. Моей единственной мечтой было однажды стать похожей на мать и подобно ей создать Федерацию, которая выстоит во все времена и при любых невзгодах.

Однажды ко мне явился раненый 327-й принц и повел странные речи. Он утверждал, что неведомое разрушительное оружие стерло в порошок отряд охотников.

Сначала подозрение пало на карликовых муравьев, наших беспокойных соседей, и в прошлом году у нас с ними произошла Битва среди маков. Это стоило жизни многим миллионам наших солдат, но мы победили. И эта победа доказала нашу ошибку. У карликов не оказалось никакого секретного оружия.

Потом мы решили, что виноваты термиты – наши исконные враги. Опять ошибка. Вскоре от большого города термитов на западе остались одни воспоминания. Все его обитатели были отравлены неизвестным хлористым газом.

Тогда мы провели расследование внутри нашего родного города и обнаружили тайную армию, ее воины вообразили, будто спасают общину, скрывая от нее слишком страшную правду. От этих убийц исходил легкий запах земли, и вообще они претендовали на роль лейкоцитов. Они считали себя автоцензурой нашего общества. Мы выяснили, что наш собственный общественный организм обладает иммунитетом, он готов на все, лишь бы никто ничего не узнал!

И только после необыкновенной одиссеи 103683-го, бесполого муравья мы наконец узнали истину.

На западном краю мира живут...

Один из муравьев прерывает чтение. Он ощутил чье-то присутствие. Мятежники прячутся. Никакого движения. Над их убежищем осторожно поднимается антенна, ее примеру тут же последовали пять других.

Шесть чувствительных отростков становятся радаром: они вибрируют с частотой 18 000 движений/секунду. Все, что имеет запах, мгновенно опознается.

Тревога опять оказалась ложной. Никого нет. Трое продолжили расшифровку феромона.

На западном краю мира живут стада животных, которые в тысячи раз больше нас.

О них поэтично говорится в мирмекийской мифологии. Однако сами эти животные далеки от поэзии.

Наши кормилицы пугали нас страшными сказками о них. Но эти животные превосходят любой ужас.

До недавнего времени я не придавала особого значения историям о гигантских чудовищах – этих стражах края планеты, живущих стадами по пять штук. Я думала, это всего лишь дребедень для наивных девственных принцесс.

Но теперь я знаю: ОНИ существуют.

Гибель первой охотничьей экспедиции – это ОНИ.

Газ, отравивший Город термитов, – это ОНИ.

Пожар, который разрушил Бел-о-кан и убил мою мать, – это снова ОНИ.

ПАЛЬЦЫ.

Я была бы рада не замечать их. Но теперь это уже невозможно.

Их присутствие оставляет следы повсюду.

Каждый день разведчики докладывают о том, что ОНИ еще на шаг приблизились к нашему миру и что ОНИ – это угроза для нас.

Поэтому сегодня я приняла решение: я должна поднять мой народ и отправить в крестовый поход против ПАЛЬЦЕВ. Это будет большая вооруженная экспедиция, ее цель – уничтожить все ПАЛЬЦЫ на планете, пока не поздно.

Послание настолько невероятно, что на осознание им потребовалось несколько секунд. Три лазутчика хотели это узнать. Теперь – они знают!

Готовится крестовый поход против Пальцев!

Любой ценой надо предупредить своих. Надо выяснить все, что можно. Они снова погружают свои антенны в феромон.

Для похода в край этих чудовищ нам понадобится двадцать три легиона боевой пехоты, четырнадцать легионов легкой артиллерии, сорок пять вездеходных легионов для ближнего боя, двадцать девять легионов...

Снова шум. На этот раз сомнений нет. Так шуршит под лапками сухая земля. Трое чужаков поднимают усики, влажные от этой секретной информации. Все получилось слишком просто. Они угодили в западню. Им позволили проникнуть в Химическую библиотеку лишь для того, чтобы взять их с поличным.

Лапки пружинят, готовясь к прыжку. Слишком поздно. Они уже здесь. Схватив скорлупку с драгоценным феромоном, лазутчики ринулись в узкий проход.

На обонятельном белоканском жаргоне разносится сигнал тревоги. Его химическая формула – феромон $C_8H_{18}O$. Реакция моментальная. Слышен стук сотен лапок воинов.

Пригибаясь к земле, чужаки убегают. Было бы жаль умереть здесь: они единственные из всех мятежников, кому удалось проникнуть в Химическую библиотеку и расшифровать, несомненно, самый важный феромон королевы Шли-пу-ни!

Погоня по коридорам Города. Муравьи несутся, совершая виражи перпендикулярно земле, и

это напоминает гонку на бобслеях.

Иной раз они даже не спускаются, продолжая бежать по потолку. В муравейнике понятие верха и низа весьма относительно. Со щетинками на лапках можно пройти, и даже пробежать, везде.

Шестилапые болиды летят с головокружительной скоростью. Коридор стремительно надвигается на них.

Внезапно перед первым мятежником возникает лоснящаяся маска. И он не успевает осознать, что происходит. Под маской торчит кончик брюшка, наполненный муравьиной кислотой. Кипящая струя моментально оставляет от мятежника мокрое место. Обезумев, другой мятежник разворачивается и устремляется в боковой проход.

Разбегаемся! – кричит он на языке запахов. Всеми шестью лапками он отчаянно роет землю. Напрасная трата сил. Слева появляется солдат. Оба противника припускаются бежать с такой скоростью, что воин не может проткнуть жертву мандибулами ^[4] или выстрелить кислотой. Тогда он толкает мятежника, пытаясь размазать его по стене.

Глухой треск от столкновения панцирей. Двигаясь по сужающемуся коридору со скоростью более 0,1 км/ч, два муравья на бегу наносят друг другу сокрушительные удары. Пытаются ставить подножки. Кончиками мандибул наносят уколы.

Скорость так велика, что они не замечают, как коридор сужается все сильнее, пока беглец и преследователь, попавшие в коническую галерею, внезапно не врезаются друг в друга. Болиды взрываются одновременно – куски хитина разлетаются по всему коридору.

Третий мятежник зарывается в потолок. Стрелок прицеливается и точным выстрелом отстреливает ему правую заднюю лапку. От этого удара у шпиона выпадает яйцообразный сосуд с королевским феромоном.

Стражник подхватывает бесценный предмет.

Другой солдат выпускает десять капель кислоты, и антенна уцелевшего мятежника превращается в жижу. Выстрелы попадают в потолок – оттуда падают обломки, заваливая проход.

Маленький мятежник может на мгновение перевести дыхание, но он знает: далеко ему не уйти. Мало того что он без антенны и без лапки, стражники теперь наверняка следят за всеми выходами.

Солдаты уже у него за спиной. Летят капли выстрелов муравьиной кислоты. Оторвана еще одна лапка – на этот раз передняя. Но он продолжает бежать на оставшихся четырех, успевая юркнуть в трещину коридора.

Стражник целится в него, но у раненого тоже осталась кислота. Подтянув живот, мятежник быстро прицеливается и стреляет в воина. Попал! Солдат не такой меткий: мятежнику оторвало лишь левую среднюю лапку. Теперь осталось всего три лапки. Последний шпион хромает, ему трудно дышать. Любой ценой надо выбраться из этой западни, предупредить мятежников о крестовом походе против Пальцев.

Сюда, он не мог далеко уйти! – кричит другой солдат, обнаружив обгоревший труп своего товарища.

Как выскользнуть отсюда? Беглец изо всех сил зарывается в потолок. Им не придет в голову посмотреть наверх.

Стражи нашли его только со второй попытки: проходя по коридору один из них заметил, что сверху упала капля. Это была прозрачная кровь мятежника.

Проклятая гравитация!

Третий мятежник падает вниз вместе с комьями земли, пытается отбиваться оставшимися лапками и единственной антенной. Один солдат хватает его за лапку и откусывает ее. Другой

пронзает ему грудь своей мандибулой-саблей. Однако мятежнику удалось вырваться. У него остались две лапки, значит, он еще может ковылять. Но последнего побега не будет. Сквозь стену просовывается длинная мандибула и с размаху срубает ему голову. Череп, подпрыгивая, катится по пологой галерее.

Туловище делает еще шагов десять, потом замедляет движение, останавливается и падает. Стражи подбирают останки, относят их на Городскую свалку и бросают на оболочки, оставшиеся от двух его помощников. Вот что случается с теми, кто слишком любопытен!

Три жалких трупа валяются, как негодные для спектакля марионетки.

5. Начинается

Газета «Воскресное эхо»:

ТРОЙНОЕ УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ ФЕЗАНДРИ

«В четверг в доме на улице Фезандри было обнаружено три трупа. Причины смерти трех братьев, Себастьяна, Пьера и Антуана Сальта, проживавших в одной квартире, неизвестны.

По части безопасности этот квартал пользуется хорошей репутацией. Ни денег, ни ценностей похищено не было. Следов взлома не обнаружено. Не найдено ничего, что могло бы послужить орудием преступления.

Расследование, а оно обещает быть сложным, поручили знаменитому комиссару Жаку Мелье из Криминальной бригады Фонтенбло. Для любителей полицейских загадок это странное преступление, похоже, станет триллером лета. Так что пусть убийца трепещет. Л. У.»

6. Энциклопедия

Опять вы?

Значит, вы добрались до второго тома моей «Энциклопедии относительного и абсолютного знания».

Первый том лежал на видном месте, на аналое подземного храма, а этот найти было нелегко, так ведь?

Браво.

И так кто же вы? Мой племянник Джонатан? Моя дочь?

Нет, вы ни тот и ни другой.

Здравствуйте, незнакомый читатель!

Я хочу поближе познакомиться с вами. Сообщите ваше имя, возраст, пол, профессию, национальность.

Чем вы интересуетесь в жизни?

В чем ваша сила, в чем слабость?

А впрочем, это не важно. Я и так знаю, кто вы.

Я чувствую, как ваши руки касаются страниц. Между прочим, это весьма приятно. На кончиках ваших пальцев, в узорах ваших подушечек, я угадываю самые скрытые черты.

На них отпечаталось все, вплоть до мельчайших деталей. Я вижу даже то, что вам досталось от ваших предков.

Подумать только, понадобилось, чтобы тысячи этих людей не умерли в юности. Чтобы они соблазнили друг друга, совокуплялись, и все это для того, чтобы родились вы!

Такое впечатление, что я вижу вас перед собой.

Нет, не смейтесь. Отнеситесь к этому серьезно. Дайте мне прочесть в вас. Вы гораздо значительней, чем думаете.

Вы – это не просто фамилия, имя и социальная история.

Вы – это 71 % чистой воды, 18 % угля, 4 % азота, 2 % кальция, 2 % фосфора, 1 % калия, 0,5 % серы, 0,5 % натрия, 0,4 % хлора. Плюс целая столовая ложка различных микроэлементов: магния, цинка, марганца, меди, йода, брома, фтора, кремния. И маленькая щепотка смеси кобальта, алюминия, молибдена, ванадия, свинца, олова, титана, бора.

Таков состав вашего существа.

Все эти элементы образуются в результате сгорания звезд, но они присутствуют не только в вашем теле. Вода в вас такая же, как в обыкновенном океане. Фосфор в вас такой же, как на спичках. Ваш хлор такой же, каким дезинфицируют бассейны. Но эти элементы – это еще не вы.

Вы – это химический сбор, потрясающая игра проектирования с дозировкой, равновесием, немислимой сложности механизмами. Ваши молекулы состоят из атомов, частиц, кварков и пустоты, – все это необычайно тонкое соединение электромагнитных, гравитационных, электронных полей.

Но! Раз вам удалось найти второй том, значит, вы сообразительны и уже многое знаете о моем мире. Что вы сделали с помощью знаний, полученных из первого тома? Революцию? Эволюцию? Ну разумеется, ничего.

Тогда устраивайтесь поудобнее и давайте читать. Держите спину прямо.

Дышите спокойно. Не напрягайте мышцы лица.

Слушайте!

Все, что вас окружает во времени и пространстве, не случайность. И вы не случайны. Ваша жизнь эфемерна, но она имеет смысл. Она не ведет в тупик. Все имеет смысл.

В то время когда вы меня читаете, меня поедают личинки мясных мух. О чем это я? Сейчас я уже являюсь удобрением для многочисленных побегов кервеля. Мои современники не поняли, о чем я хотел им поведать.

Для меня уже все позади. Я могу оставить только единственный малый след – эту книгу.

Для меня слишком поздно, для вас – нет.

Вы хорошо устроились? Расслабьтесь. Не думайте ни о чем, кроме вселенной, в которой вы всего лишь крошечная пылинка.

Представьте, что время ускорило ход. Раз – вы рождаетесь, вас выбрасывает из матери, как вы обычно выплевываете вишневую косточку. Хрум-хрум – вы пичкаете себя тысячами разнообразных блюд, превращая несколько тонн растений и животных в экскременты. Бах – и вы уже мертвы.

А что вы успели сделать в своей жизни? Разумеется, мало.

Так действуйте! Сделайте что-нибудь, хоть самую малость, черт возьми! Надо успеть сделать что-нибудь в жизни, прежде чем умереть. Вы же родились не просто так. Постарайтесь понять, для чего вы родились. В чем ваша, пусть крошечная, но все же миссия?

Ваше рождение не случайность.

Отнеситесь к этому серьезно.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

7. Метаморфозы

Она терпеть не может, когда ей указывают, что ей делать.

Толстая волосатая гусеница, зеленая с черным и белым, уползает подальше от этой стрекозы – та советует ей быть поосторожнее с муравьями – и направляется на кончик ветки ясеня.

Она ползет волной. Сначала поднимает шесть передних лапок. А затем, изгибаясь всем телом, подтягивает к ним десять задних.

Добравшись до конца ветки, гусеница выплевывает немного липкой слюны, прикрепляет задние лапки и падает вниз головой.

Она очень устала. С жизнью личинки покончено. Ее страданиям приходит конец. Теперь или преобразование, или гибель.

Тссс!

Она укутывается в кокон из прочных и гибких кристалльных нитей.

Ее тело превращается в волшебный сосуд.

Этого дня она ждала долго. Очень долго.

Белеющий кокон твердеет. Легкий ветерок баюкает этот диковинный светлый фрукт.

Через несколько дней кокон набухает, он как будто пытается дышать. Затем его дыхание становится ритмичным. Он вибрирует. Внутри происходят настоящие алхимические превращения. В нем смешиваются цвета, редкие ингредиенты, удивительно тонкие ароматы, соки, гормоны, лаки (красная камедь, гуммилак), жиры, кислоты, плоть и даже твердые частицы.

Все компоненты уравниваются, дозируются с непревзойденной точностью, чтобы создать новое существо. И вот верхушка кокона разрывается. Из серебряного конверта робкий усик разворачивает свою спираль.

То, что освобождается из гроба-колыбели, уже не имеет ничего общего с гусеницей.

Проползавший поблизости муравей следил за этим священным мгновением. Поначалу очарованный великолепием превращения, он урезонивает себя и вспоминает, что перед ним всего лишь мясо с крыльями. Муравей несется по ветке: надо успеть прикончить чудесное животное, пока оно не улетело.

Влажное тело бабочки-сфинкса освобождается из яйца. Расправляются крылья. Цвета великолепны. Они как переливы легких парусов, хрупких и тонких. На темных зубцах выступают невиданные цвета: фтористый желтый, матовый черный, блестящий оранжевый, карминный красный, перламутровый антрацит и киноварь.

Муравей-охотник подтягивает брюшко под грудь – принимает стрелковую позу. Наводит на бабочку визуальный и обонятельный прицел.

Сфинкс заметил муравья. Его очаровывает нацеленное на него брюшко, но он догадывается, что оттуда может брызнуть смерть. А ему совсем не хочется умирать. Во всяком случае, не сейчас. Было бы так обидно.

Четыре сферических глаза смотрят друг на друга.

Муравей рассматривает бабочку. Она, конечно же, мила, но расплод надо кормить свежим мясом. Далеко не все муравьи вегетарианцы. Он догадывается, что жертва готовится взлететь и, опережая движение, встает на изготовку. В то же мгновение бабочка взлетает. Капля-выстрел муравьиной кислоты, отклонившись в сторону, пронзает крыло, оставляя маленькую дырочку идеально круглой формы.

Бабочка немного теряет высоту, дырочка в правом крыле свистит. Муравей – элитный

стрелок, он уверен, что задел ее. Но от этого она не перестает рассекать крыльями воздух. С каждым взмахом влажные крылья высыхают. Набрал высоту, она различает внизу свой кокон. Она не испытывает ни малейшей ностальгии.

Муравей-охотник сидит в засаде. Еще один выстрел. Спасительный ветер шевельнул лист и преградил путь смертельному снаряду. Бабочка ложится на крыло и бодро улетает.

103683-й, солдат Бел-о-кана, промахнулся. Теперь его цель вне досягаемости. Он задумчиво провожает бабочку завистливым взглядом. Куда же она летит? Похоже, к краю мира.

Сфинкс и впрямь исчезает где-то на западе. Несколько часов он продолжает полет, пока небо не становится серым, вдали он замечает какой-то блеск и поспешно направляется туда.

Теперь он пропал, у него только одна цель – достичь этого замечательного света. В нескольких сантиметрах от сияющего источника он еще прибавляет ходу, стремясь поскорее вкусить экстаза.

Огонь совсем близко. Крылья вот-вот загорятся. Но ему все равно: он хочет погрузиться в него, насладиться этой обжигающей силой. Растаять в этом солнце. Неужели он сгорит?

8. Мелье разгадывает тайну смерти братьев Сальта

– Так, значит, нет?

Он достал из кармана жвачку.

– Нет и еще раз нет. Никаких журналистов. Сначала я спокойно осмотрю трупы, а там видно будет. И погасите свечи в канделябре! Зачем их вообще зажгли? А, в здании что-то чинили и отключали электричество? Но теперь-то все починили, не так ли? Вот и не надо создавать угрозу пожара.

Кто-то задул свечи. Бабочка едва не стала жертвой кремации: края ее крыльев уже успели опалиться.

Энергично вгрызаясь в жвачку, комиссар осматривал квартиру на улице Фезандри.

В XXI веке мало что изменилось по сравнению с предыдущим столетием. Но методы криминалистики несколько эволюционировали. Теперь тела погибших покрывали формалином и прозрачным застывающим воском, так что они в точности сохраняли ту же позу, которая была на момент гибели. А у полиции было предостаточно времени, чтобы изучить место преступления. Методика куда практичней, чем архаичные меловые контуры.

Поначалу следователи испытывали шок от застывших, как в момент своей гибели, жертв с открытыми глазами, чья кожа и одежда были полностью покрыты прозрачным воском, но потом к этому привыкли.

– Кто первый прибыл сюда?

– Инспектор Каюзак.

– Эмиль Каюзак? Где он? А, внизу... Хорошо, передайте ему, пусть поднимется ко мне.

Молодой полицейский пребывал в нерешительности:

– Комиссар... Там журналистка из «Воскресного эха», она говорит...

– Что она там говорит? Нет! Сейчас никаких журналистов! Приведите ко мне Эмиля.

Мелье зашагал взад-вперед по гостиной, склонился к Себастьяну Сальта. Приблизившись почти вплотную, он вглядывался в искаженное лицо с вылезшими из орбит глазами, высоко вскинутыми бровями, раздутыми ноздрями, широко раскрытым ртом и вывалившимся языком. Он даже разглядел зубные протезы с остатками последней трапезы. Похоже, он жевал арахис с изюмом.

Мелье повернулся к телам двух других братьев. У Пьера глаза тоже вытаращены, рот разинут. А кожа под застывшим воском покрыта мурашками. Что до Антуана, то и его лицо тоже было искажено гримасой ужаса.

Вынув из кармана световую лупу, комиссар внимательно вглядывался в кожный покров Себастьяна Сальта. Волоски прямые, как колья. Также весь покрыт мурашками.

Перед Мелье появилась знакомая фигура. Инспектор Эмиль Каюзак. Сорок лет успешной и безупречной службы в Криминальной бригаде Фонтенбло. Седеющие виски, остроконечные усы, умиротворяющий животик. Каюзак – человек спокойный, он занимает достойное место в обществе. Его единственное желание – мирно, без особых волнений дотянуть до пенсии.

– Эмиль, так это ты прибыл сюда первым?

– Так точно.

– И что обнаружил?

– Да то же, что и ты. Я сразу приказал залить трупы воском.

– Это правильно. Что ты обо всем этом думаешь?

– Ни ран, ни отпечатков, ни орудия преступления, никакой возможности войти и выйти...

Дело ясное, что дело темное, это как раз для тебя!

– Спасибо.

Комиссар Жак Мелье был молод – ему только-только исполнилось тридцать два года, – но у него уже была репутация опытного сыщика. Он не ограничивался формальными методами и умел найти особый подход к самым запутанным делам.

Получив фундаментальное образование в области естественных наук, Жак Мелье отказался от блестящей карьеры ученого и обратился к своей единственной страсти – расследованию преступлений. Первым толчком к путешествию в эту страну вопросительных знаков были книги. Он упивался детективами. Он проглотил описания полицейских расследований за три тысячи лет: от Судьи Ти до Шерлока Холмса, не забывая про Эркюля Пуаро, Дюпена и Рика Декарда.

Идеальное преступление было для него Граалем: многие к нему приближались, но никому не удалось дойти до конца. Для углубления знаний он записался в Парижский институт криминалистики. Там он впервые вскрыл свежий труп (и впервые упал в обморок). Там он научился шпилькой вскрывать замки, делать бомбу в домашних условиях, а также обезвреживать ее. Изучил тысячи вариантов смерти, свойственных роду человеческому.

Однако изучаемый материал казался ему недостаточным, и это разочаровывало. Известны были только те преступники, которых поймали. То есть идиоты. О других, умных, ничего не было известно, ведь они так и остались не пойманными. Может, один из этих, избежавших наказания все-таки умудрился совершить идеальное преступление?

Единственный способ выяснить это – пойти служить в полицию и выйти на охоту самому. Что и было сделано. Без особого труда он поднимался по служебной лестнице. Его первым успешным делом был арест собственного преподавателя по обезвреживанию бомб – это было хорошим прикрытием для главы террористической группы!

Комиссар Мелье осматривал гостиную, не пропуская ни одной мелочи. Наконец его взгляд остановился на потолке.

– Скажи-ка, Эмиль, когда ты вошел, здесь мухи были?

Инспектор ответил, что не обратил на это внимания. Когда он пришел, двери и окна были закрыты, но потом окна открыли, а мухи, если они и были, то за это время могли и улететь.

– А что, это так важно? – забеспокоился он.

– Да. То есть не очень. Скажем так, жаль. У тебя есть досье на погибших?

Из сумки, которую он обычно носил через плечо, Каюзак достал папку. Комиссар просмотрел ее.

– Что ты об этом думаешь?

– Есть кое-что интересное... Все братья Сальта по профессии были химиками, но один из них, Себастьян, был не так безобиден, как может показаться на первый взгляд. Он вел двойную жизнь.

– Ну-ка, ну-ка...

– Этот Сальта был одержимым игроком. Его коньком был покер. У него даже прозвище было «гигант покера». Не только из-за его роста: он еще делал бешеные ставки. Совсем недавно он много проиграл. Оказался по уши в долгах. Для него был единственный способ выбраться – увеличивать ставки.

– Откуда ты все это знаешь?

– Не так давно занимался игровой средой. Себастьян полностью прогорел. Ему, кажется, даже смертью угрожали, если в кратчайшие сроки он не расплатится.

Мелье задумался, даже жвачку перестал жевать.

– Значит, причина у Себастьяна была...

Каюзак покачал головой.

– Думаешь, он опередил их и совершил самоубийство?

Комиссар пропустил вопрос мимо ушей и повернулся к двери:

– Она была закрыта изнутри, когда ты прибыл, верно?

– Точно.

– И окна тоже?

– Да, причем все!

Мелье снова принялся ожесточенно жевать жвачку.

– Ну и что тут, по-твоему, было? – спросил Каюзак.

– Самоубийство. Конечно, это может показаться слишком просто, но гипотеза самоубийства объясняет все. Чужих следов нет, потому что не было внешнего вторжения. Все произошло в закрытом помещении. Себастьян убил братьев и себя.

– Ну хорошо, а каким орудием?

Мелье прикрыл глаза, в поисках вдохновения. Потом он произнес:

– Это был яд. Мощный яд с замедленным действием. Типа цианида, помещенного в карамель. Карамель тает в желудке, высвобождая свое смертоносное содержимое. Это как химическая бомба замедленного действия. Ведь ты говоришь, он был химиком?

– Да, работал в Компании общей химии.

– Значит, Себастьяну Сальта не составило бы труда изготовить такое орудие убийства.

Для Каюзака это прозвучало не совсем убедительно.

– Почему же тогда у них такие испуганные лица?

– Боль. Когда цианид попадает в желудок, это мучительно. В тысячу раз хуже язвы.

– Я могу понять, что Себастьян Сальта покончил с собой, – все еще с сомнением возразил Каюзак, – но зачем ему было убивать своих братьев, им-то ничего не грозило?

– Чтобы избавиться их от банкротства. Давно известный человеческий рефлекс, увлечь на смерть всю семью. В Древнем Египте фараонов хоронили с женами, слугами, животными и мебелью. Одному туда отправляться страшно, вот и тащат за собой своих близких...

На этот раз слова комиссара показались инспектору вполне убедительными. Хотя это и выглядело чересчур просто и мерзко. Тем более что только версия самоубийства вполне объясняла отсутствие чужих следов.

– Итак, подвожу итог, – продолжил Мелье. – Почему все закрыто? Потому что все произошло внутри. Кто убийца? Себастьян Сальта. Каким орудием? Ядом замедленного действия собственного изготовления! Какой мотив? Отчаяние, невозможность расплатиться с огромными карточными долгами.

Эмиль Каюзак больше ни о чем его не спрашивал. Неужели эту загадку, которую газеты окрестили «триллером лета», было так легко разгадать? И даже безо всяких экспертиз, очных ставок, поисков улик – без всех этих атрибутов профессии. Репутация комиссара Мелье не оставляла места сомнению. В любом случае, его рассуждения давали единственно возможное объяснение произошедшего.

Подошел полицейский:

– Эта журналистка из «Воскресного эха» все еще здесь, она хочет взять у вас интервью. Она ждет уже больше часа и требует...

– Хорошенькая? Полицейский кивнул:

– Даже «очень хорошенькая». Думаю, она евразийка.

– Да? И как ее зовут? Чунг Ли или Манг Синанг? Полицейский возразил:

– Вовсе нет. Летиция Вэль или что-то в этом роде.

Жак Мелье призадумался, потом взглянул на наручные часы:

– Скажите этой дамочке, что, к сожалению, у меня нет времени. Сейчас время моей любимой передачи «Ловушка для мысли». Знаешь такую, Эмиль?

– Слышал, но ни разу не видел.

– Это ты зря! Такая мозговая тренировка полезна для всех детективов.

– Ну, для меня, знаешь ли, поздновато. Полицейский кашлянул:

– Так что с этой журналисткой из «Воскресного эха»?

– Передайте ей, что позже в Центральном агентстве прессы я сделаю заявление. Ей придется черпать вдохновение там.

Полицейский позволил себе маленький дополнительный вопрос:

– А что с этим делом, вы уже нашли разгадку?

Жак Мелье разочарованно улыбнулся, как специалист, перед которым поставили слишком простую задачу. Однако ответил:

– Двойное убийство и самоубийство, и во всех случаях отравление. Себастьян Сальта погряз в долгах, вот и решил покончить с этим раз и навсегда.

Затем комиссар попросил всех покинуть помещение. Он сам погасил свет и закрыл дверь.

Место преступления опустело. Красные и голубые уличные неоны отражались на покрытых воском трупах. Замечательное решение комиссара Мелье лишило их трагической ауры. Трое умерших от отравления – только и всего.

Там, где проходил Мелье, тайна исчезала.

Еще один факт – и только. Три реальные фигуры, озаряемые разноцветными вспышками. Трое застывших мужчин, напоминали мумифицированные тела жителей Помпей.

Однако оставалось еще нечто необъяснимое: маска полнейшего ужаса, исказившая лица, казалось, свидетельствовала, что они видели кое-что пострашнее извержения Везувия.

9. Наедине с черепом

103683-й смирился. Он напрасно сидит в засаде. Прекрасная новорожденная бабочка так и не вернулась. Муравей шлепает по брюшку волосатой лапкой и ползет к концу ветки, чтобы забрать хотя бы пустой кокон. Такая вещь всегда пригодится в муравейнике. Пустой кокон может послужить амфорой для медвяной росы или переносной флягой.

103683-й чистит антенны, двигая ими со скоростью 12 000 вибраций в секунду, и проверяет, нет ли поблизости чего-нибудь интересного. Ни тени добычи. Ничего хорошего.

103683-й – рыжий муравей из Федерального города Бел-о-кана. Ему полтора года, что соответствует сорока людским годам. Его каста – каста бесполок солдат-исследователей. Он высоко держит свои антенны. Посадка шеи и груди выдает решительный характер. Одна из коленных щеточек-шипов сломана, но остальные механизмы все еще в превосходном состоянии, хотя бока исполосованы царапинами.

Маленькие полусферические глаза смотрят на мир через сеть окулярных фасеток. Широкоугольное зрение. Он может видеть перед собой, за собой и над собой одновременно. В окрестностях ничего не движется. Хватит терять здесь время.

Он спускается с куста, перебирая лапками, на кончиках которых имеются присоски. Эти маленькие жилистые подушечки выделяют липкое вещество, которое и позволяет муравью передвигаться по совершенно гладким поверхностям, даже по вертикали, даже вниз головой.

103683-й по запаху отыскивает дорожку и направляется к Городу. Трава вокруг вздымается, как высокий строевой лес. Множество белоканских рабочих бегут по тому же обонятельному пути. В некоторых местах дорожные рабочие проложили ходы под землей, чтобы пешеходам не мешали солнечные лучи.

Какой-то слизняк по рассеянности заползает на муравьиную тропку. Солдаты тут же прогоняют его уколами мандибул. Потом счищают с дороги оставленную им слизь.

103683-му встречается странное насекомое. У него всего одно крыло, и то волочится по земле. При ближайшем рассмотрении это оказывается муравей, который тащит крыло стрекозы. Приветствия. Этому охотнику повезло больше. Вернуться ни с чем или принести кокон бабочки – это примерно одно и то же.

Постепенно вырисовываются контуры Города. Потом небо исчезает совсем. Видна только гора из веточек.

Это Бел-о-кан.

Основанный пропавшей королевой (Бел-о-кан означает «Город заблудившегося муравья»), он выстоял под грозными межмуравьиными войнами, ураганами, термитами, осами, птицами, гордый Город Бел-о-кан живет уже более пяти тысяч лет.

Бел-о-кан – это центральная штаб-квартира рыжих муравьев Фонтенбло.

Бел-о-кан – это самая большая политическая сила региона.

Бел-о-кан – муравейник, где зародилось эволюционное мирмекийское движение.

Каждая угроза делает его еще сплоченней. Каждая война повышает его боеспособность. Каждое поражение делает всех мудрее.

Бел-о-кан – Город с тридцатью шестью миллионами глаз, ста восемью миллионами лапок, восемнадцатью миллионами голов с мозгами. Живой и прекрасный.

103683-му знакомы все его перекрестки, все подземные мосты. В детстве он бывал в залах для выращивания белых грибов, в загонах, где доят стада тли, и в залах, где с потолка свисают неподвижные особи-цистерны. Он пробежал по коридорам Закрытого города – его когда-то прорыли термиты в сосновом лесу. Был свидетелем всех улучшений, введенных новой королевой

Шли-пу-ни – его давней подругой по приключениям.

«Эволюционное движение» придумала Шли-пу-ни. Она отказалась от титула новой королевы Бело-кью-кюни во имя создания собственной династии – династии королев Шли-пу-ни. Она ввела новую метрическую систему: теперь условное измерение пространства это не голова (3 мм), а шаг (1 см). Поскольку теперь жители Бел-о-кана стали путешествовать на более дальние расстояния, то укрупнение единицы измерения напрашивалось само собой.

В рамках эволюционного движения Шли-пу-ни построила Химическую библиотеку, а главное – впустила различные виды комменсалов^[5] и изучает их для создания новых феромонов по зоологии. Особое внимание она уделяет приручению летающих и водоплавающих насекомых. Скарабеев и плавунцов...

103683-й и Шли-пу-ни не виделись уже давно. С молодой королевой сейчас и не поговоришь: она вечно занята то кладкой, то реформированием Города. Но солдат не забыл их приключений в подземельях Города: как они вместе вели поиски секретного оружия, как ломехуза^[6] пыталась опоить их своим наркотиком, как они боролись против муравьев-шпионов с запахом земли.

Помнит 103683-й и великий поход на запад, свою первую встречу с краем мира – со страной Пальцев, где гибнет все живое.

Много раз просил солдат собрать новую экспедицию. Ему отвечали, что и здесь слишком много дел и нечего бросать самоубийственные караваны к пределам планеты.

Это все уже в прошлом.

Обыкновенный муравей никогда не задумывается ни о прошлом, ни, тем более, о будущем. Обычно он даже не осознает своего существования как индивида. У него нет понятий «я», «мой» или «твой»: он реализуется только через общность и для общности. Поскольку нет осознания своего «я», нет страха и перед собственной смертью. Муравью неведом экзистенциальный ужас.

Но со 103683-м произошла трансформация. После путешествия на край мира в нем возникло маленькое сознание «я», еще практически не оформившееся, но уже очень болезненное. Как только начинаешь думать о себе, возникают «абстрактные» проблемы. У муравьев это называется «болезнь томления духа». Обычно она поражает муравьев с половыми признаками. Мирмекийская мудрость гласит: «Кто задается вопросом: «Может, у меня томление духа?» – уже серьезно болен этой болезнью».

Так что 103683-й старается не задавать себе вопросов. Но это нелегко...

Теперь дорога расширилась. Движение стало оживленным. Он затирается в толпе, пытается почувствовать себя крошечной частицей в этой огромной массе. Это муравейник, ощущать себя частицей муравейника, жить для муравейника, чувствовать себя умноженным через окружающих – что может быть радостней?

Он продвигается по широкой дороге. Вот уже поблизости четвертые ворота Города. Тут, как всегда, неразбериха! Муравьев столько, что в проход не протиснуться. Надо бы расширить ворота номер 4 и внести порядок в движение. Например, пусть те, кто несет самую мелкую добычу, пропускают остальных. Или пусть те, кто возвращается, имеют преимущество перед теми, кто выходит. А то вместо этого пробка – бич всех метрополий!

Сам 103683-й не торопится отдавать жалкий пустой кокон. Пусть толпа рассосется, а он пока немного прогуляется по свалке. В юности он обожал играть среди мусора. Вместе с товарищами из касты воинов он подбрасывал черепа и сбивал их кислотой на лету. Между прочим, так 103683-й и стал элитным стрелком. Здесь, на свалке, он научился готовиться к бою и целиться со скоростью щелчка мандибул.

Ох уж эта свалка... Вечно муравьи устраивают ее перед Городом. Он помнит, как один наемный чужак, впервые прибывший в Бел-о-кан, воскликнул: «Я вижу свалку, а где же Город?»

Надо признать, эти огромные кучи каркасов, очисток от зерен и прочих отбросов постепенно заполняют все окрестности Города. Некоторые входы (На *помощь!*) совсем завалены, а вместо того, чтобы их расчищать, выкапывают новые в другом месте.

(На *помощь!*)

103683-й оборачивается. Ему показалось, до него донесся запах-стон. *На помощь!* Сомнений нет. Запах исходит от этой кучи мусора. Что, уже и отбросы заговорили? Он приближается, кончиками антенн роется в куче трупов. *На помощь!*

Где-то здесь кричит один из этих трех останков. Тут валяются головы божьей коровки, кузнечика и рыжего муравья. Ощупав их, он чувствует слабое дыхание жизни в антенне рыжего муравья. Передними лапами солдат берет череп и держит его перед собой.

Кое-что должно стать известно, – говорит грязный шарик, из которого неловко торчит единственная антенна.

Какая непристойность! Мало того что эта голова мертвая, так она еще хочет поговорить! Неужели этому муравью не хватает достоинства, чтобы спокойно встретить смерть! На секунду 103683-й испытывает сильное искушение подбросить череп и сбить его выстрелом кислоты, как он делал когда-то. Но его удерживает не только любопытство: *Всегда надлежит принимать послания от тех, кто хочет их передать* – гласит старое мирмекийское правило.

Движение антенн. 103683-й показывает, что, согласно этой заповеди, готов выслушать все, что захочет сказать неизвестная голова.

Черепу же все труднее сосредоточиться. Но он понимает, что должен вспомнить важную информацию. Надо заставить мысли подняться в единственный усик, или муравей, чье тело он когда-то продолжал, погибнет зря.

Череп уже не соединен с сердцем, в него не поступает кровь. Извилины мозга даже подсохли. Но электрическая проводимость пока еще есть. В мозгу еще остается маленькая лужица нейромедиаторов. При помощи этой влаги нейроны соединяются и короткие замыкания показывают, что мысли двигаются в обратном направлении.

Постепенно вспоминается.

Их было трое. Да, три муравья. Какого же вида? А, рыжие. Да, рыжие мятежники! Из какого гнезда? Из Бел-о-кана. Они проникли в Химическую библиотеку, чтобы... Чтобы прочесть один очень засекреченный феромон памяти. И о чем там шла речь? О чем-то важном. Настолько важном, что за ними погналась федеральная стража. Двое его друзей погибли. Их убили воины. Череп высыхает. Если он не вспомнит, то три смерти окажутся бессмысленными. Он должен передать информацию. Он должен. Это необходимо.

А перед глазами мертвеющей головы муравей уже пятый раз спрашивает, что он хочет сказать.

В мозгу найдена еще одна лужица остатков крови. С ее помощью можно еще немного подумать. Между памятью и системой передачи-приема происходит химическое и электрическое соединение. Мозгу, подпитываемому энергией оставшихся протеинов и сахаров в лобной доле, удастся передать сообщение.

Шли-пу-ни собирается послать крестовый поход и убить ИХ всех. Надо срочно предупредить мятежников.

163683-й не понимает. Этот муравей, или, вернее, то, что от него осталось, говорит о «крестовом походе», о «мятежниках». Разве в Городе есть мятежники? Это что-то новенькое! Но солдат понимает, что этот череп не сможет разговаривать долго. Нельзя терять ни единой молекулы на бесполезные отступления. Какой вопрос самый нужный после такой ошеломляющей фразы? Слова сами срываются с усиков.

Где я могу найти этих «мятежников», чтобы предупредить их?

Череп делает еще одно усилие, он начинает дрожать.

Над новыми стойлами скарабеев-носорогов... В фальшивом потолке...

103683-й идет ва-банк.

Против кого этот крестовый поход?

Череп вздрагивает. Его усик трепещет. Сумеет ли он выдать последние полферомона?

На усике выступает едва уловимый запах. Одно-единственное слово. 103683-й касается его крайним сегментом своей антенны. Вдыхает. Это слово ему знакомо. Пожалуй, даже слишком хорошо знакомо.

Пальцы.

Теперь антенна черепа совсем пересохла. Она сморщивается. В этом черном шаре не осталось ни капли информативного запаха.

1036583-й потрясен.

Крестовый поход, чтобы уничтожить все Пальцы.

Ну и ну.

10. Добрый вечер, ночная бабочка

Почему этот свет вдруг погас? Конечно, бабочка чувствовала, что огонь опалает ее крылья, но она была готова на все, лишь бы вкусить светового экстаза.... Она была так близка, слияние с теплом почти произошло!

Разочарованный сфинкс поднимается высоко в небо и направляется в лес Фонтенбло. Он долго летит к тем местам, где совсем недавно завершил свою метаморфозу.

Благодаря тысяче глазных фасеток он видит небо и всю местность как на ладони. Вот в центре – муравейник Бел-о-кан. Вокруг – маленькие города и деревни, они тоже находятся под управлением рыжих королев. Все это называется «Федерация Бел-о-кана». Бел-о-кан и вправду набрал такую политическую мощь, что теперь это целая империя. Никто в лесу не смеет усомниться в гегемонии рыжих муравьев.

Они самые умные, самые организованные. Они умеют пользоваться инструментами, они победили термитов и карликовых муравьев. Могут даже одолеть очень крупных животных. Никто не сомневается: они – хозяева мира, настоящие и единственные.

К западу от Бел-о-кана расположены опасные территории, кишацие пауками и богомолами. (Будь осторожна, бабочка!)

На юго-западе тоже дикая страна, ее заполнили осы-убийцы, змеи и черепахи. (Опасность!)

На востоке всевозможные чудища на четырех, шести и восьми лапах с пастями, зубами, жалами, они травят, разрывают, крошат, мокрого места не оставляют.

На северо-востоке совсем новый пчелиный Город – улей Асколеин. Там живут злые пчелы: под предлогом расширения территории для сбора пыльцы, они уничтожили множество осиных гнезд.

Еще дальше на востоке протекает река под названием Обжора: она поглощает все, что попадает на ее поверхность. Тут есть чего бояться.

Смотри-ка, на берегу появилось что-то новенькое – это Город. Любопытная бабочка снижается. Похоже, термиты построили его совсем недавно. С башен по чужаку тут же начинает палить артиллерия. Но бабочка летит слишком высоко, и их жалкие поползновения не волнуют ее.

Слегка изменив курс, сфинкс пролетает над северными горами – крутыми утесами, окружающими большой дуб. Потом поворачивает на юг – к стране палочников и красных грибов.

Вдруг он замечает самку бабочки, даже на такой высоте ощущается сильный запах ее сексуальных гормонов. Он снижается, хочет рассмотреть ее поближе. Ее окраска еще ярче, чем его. Как она прекрасна! Но почему-то совсем не шевелится. Странно. Ее запахи и внешность, как у дамы, но... Какая подлость! Проклятая мимикрия, этот цветок выдает себя за то, чем не является. У этой орхидеи все ненастоящее: запахи, крылья, цвета. Чистейшее ботаническое жульничество! Увы! Сфинкс понял это слишком поздно. Лапки прилипли. Он не может взлететь.

Сфинкс изо всех сил бьет крыльями, так что у соседнего одуванчика вылетают пушинки. Он медленно соскальзывает по цветку орхидеи, имеющей форму ванночки. Этот венчик – всего лишь разинутый желудок. На дне ванночки скрыты пищеварительные кислоты, с их помощью цветок поедает бабочек.

Неужели это смерть? Нет. Спасение приходит в виде двух собранных в щепотку Пальцев: ухватив за крылья, они вынимают бабочку и бросают ее в прозрачную банку.

Банка преодолевает большое расстояние.

Молодую бабочку внесли в ярко освещенную зону. Пальцы достают ее из банки, окунают в сильно пахнущую желтую субстанцию – ее крылья твердеют. Теперь невозможно взлететь! Тогда Пальцы берут гигантский хромированный кол с красным шаром сверху – и резким ударом вгоняют его в сердце бабочки. Над ее головой в качестве эпитафии они ставят этикетку: «Papillonus vulgaris».

Столкновение цивилизаций: Встреча представителей двух цивилизаций – момент всегда очень деликатный. Прибытие первых европейцев в Центральную Америку стало причиной большого недоразумения. Ацтекское религиозное учение утверждало, что однажды на землю придут посланцы бога-змеи Кветцалкоатля. Белокожие, они будут восседать на огромных четвероногих животных и, извергая грома, карать безбожников.

Поэтому, когда в 1519 году, узнав, что на мексиканское побережье ступили испанские всадники, ацтеки решили, что это и есть «Теули» (Теуль на языке науатль означает божество).

Однако в 1511 году, еще за несколько лет до их появления, один человек предупредил их. Это был Герреро, испанский моряк, потерпевший крушение у берегов Юкатана в те времена, когда войска Кортеса были расквартированы на островах Сен-Доминго и Куба.

Местное население с легкостью приняло Герреро: он женился на автохтонке. Он говорил, что скоро на берег высадутся конкистадоры. Он уверял, что они вовсе не боги и даже не посланцы богов. Предупреждал и о том, что им нельзя доверять. Он обучил индейцев изготавливать арбалеты и стрелять из них. (До этого у индейцев на вооружении были только луки со стрелами да топоры с обсидиановыми лезвиями, а железные доспехи людей Кортеса можно было пробить только арбалетом.) Герреро много раз повторял, что не надо бояться лошадей, и не надо впадать в панику при виде огнестрельного оружия. Это не волшебное оружие и не молния. «Испанцы такие же, как и вы, из плоти и крови. Их можно победить», – говорил он. Для пущей убедительности он порезал себя, и потекла красная кровь, как у всех людей. Герреро интенсивно и грамотно обучал индейцев своей деревни, и когда на нее напали конкистадоры Кортеса, то они были удивлены, впервые столкнувшись в Америке с настоящей армией, которая противостояла им несколько недель.

Но сведения, которые сообщил Герреро, не вышли за пределы его деревни. В сентябре 1519 года король ацтеков Моктецума вышел встречать испанскую армию с полными повозками украшений. И в тот же вечер он был убит. Через год Кортес своими пушками разрушил столицу ацтеков Теночтитлан, жителей которой три месяца морил голодом.

Что до самого Герреро, то он погиб во время ночной атаки на испанский форт.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

12. Летиция по-прежнему не появляется

После того как Жак Мелье блистательно раскрыл дело братьев Сальта, он был приглашен к префекту Шарлю Дюпейрону. Высокий полицейский чиновник непременно хотел поздравить комиссара лично.

В богато обставленной гостиной префект сразу сообщил, что «дело братьев Сальта» оценили «в высших сферах». Кое-кто из видных политических деятелей назвал это расследование «образцом эффективности по-французски».

Потом префект поинтересовался у комиссара, есть ли у него жена. Удивленный Мелье ответил, что нет, но префект продолжал допытываться, пока комиссар не признался, что ведет себя как все: перебегает от одной к другой, стараясь не подцепить ничего венерического.

Шарль Дюпейрон посоветовал ему подумать о женитьбе. Таким образом Жак Мелье обретет необходимый социальный облик, который и позволит заняться политикой. Для начала ему вполне подойдет роль депутата или мэра. Нации, подчеркнул он, любой нации, нужны люди, способные решать сложные проблемы. Если он, Жак Мелье, смог разгадать, как были убиты три человека при закрытых дверях, то ему по силам и более сложные вопросы, например: устранить безработицу, обеспечить безопасность окраин, повысить социальную защиту, уравновесить баланс бюджета. Словом, все те маленькие задачи, с которыми каждый день сталкиваются люди, управляющие страной.

– Нам нужны люди, способные думать головой, а по нынешним временам такие встречаются все реже, – пожаловался префект. – Так что имейте в виду: если пожелаете впутаться в авантюру под названием политика, я первый окажу вам всяческую поддержку.

Жак Мелье ответил, что в загадке его привлекают непредсказуемость и бескорыстие. А тратить силы ради достижения власти он никогда не станет. Возвышаться над окружающими слишком утомительно. Что же касается его личной жизни, там все не так уж и плохо, и он предпочитает, чтобы она оставалась его личной.

Префект Дюпейрон искренне рассмеялся, похлопывая его по плечу, и сказал, что в его возрасте он думал точно так же. А потом изменился. Им двигало не столько стремление быть выше других, сколько желание, чтобы сверху над ним никого не было.

– Чтобы презирать деньги, надо быть богатым, а чтобы презирать власть, надо ее иметь!

В молодости Дюпейрон поставил перед собой цель подняться на вершину общественной иерархии. Теперь, по его словам, он не боится завтрашнего дня, он произвел на свет двух наследников, которых отправил в одну из самых дорогих частных школ города, у него роскошная машина, куча свободного времени, он окружен сотнями куртизанок. Чего еще желать?

«Оставаться мальчишкой и увлекаться детективами», – подумал Мелье, но оставил эту мысль при себе.

Время встречи истекло, и комиссар покинул префектуру; возле забора он заметил большой щит с предвыборными плакатами, всевозможными слоганами: «За демократию и истинные ценности, голосуйте за партию социал-демократов!», «Нет кризису! Хватит пустых обещаний. Присоединяйтесь к движению радикальных республиканцев!», «Спасите планету – поддержите Национально-экологическое возрождение!», «Восстаньте против несправедливости! Вступайте в Независимый народный фронт!».

Везде одни и те же откормленные типы: в любовницах у них секретарша, а себя они считают выдающимися личностями! Префект предлагал ему стать таким же. Важным лицом!

Для Мелье сомнений нет. К черту почести – лучше свободная жизнь, телевизор и расследования. «Не хочешь разочарований – откажись от амбиций», – говаривал его отец. Нет

желаний – нет страданий. Возможно, сегодня Мелье добавил бы: «Не имей амбиций, как у всех этих кретинов, отыщи себе путь за пределами обывательской жизни».

Жак Мелье дважды был женат и оба раза развелся. Он с увлечением раскрыл полтора десятка дел. У него приличная квартира, хорошая библиотека, есть друзья. Он вполне доволен. Во всяком случае, ему этого хватает.

Вокруг куда-то спешили прохожие, сигналили издерганные автомобилисты, прямо из открытых окон женщины с шумом вытрясали пыль из ковров. Бегали дети, стреляя друг в друга из водных пистолетов. «Пиф-паф, паф, вы трое мертвы!» – вопил один из них. Жака Мелье сильно раздражали сопляки, играющие в жандармов и воров.

Он добрался до своего дома. Это было большое здание в форме правильного прямоугольника: пятьдесят метров в высоту и столько же в ширину. Вокруг телевизионных антенн кружили вороны.

Всегда бдительная, консьержка высунулась из окошка каморки. Она окликнула его:

– Добрый день, мсье Мелье! Знаете, я прочла в газете, что там о вас понаписали. Это все завистники!

Он удивился:

– Простите?

– Все равно я уверена, что вы правы.

Перешагивая через четыре ступеньки, он поднялся к себе в квартиру. Там его, как всегда, ждала Мария-Шарлотта. Она страстно любила его и всегда приносила газету. Когда он открыл дверь, Мария-Шарлотта держала газету в зубах. Он потребовал:

– Отдай, Мария-Шарлотта!

Она безропотно повиновалась, и Мелье лихорадочно схватил «Воскресное эхо». И под большим заголовком увидел свою фотографию:

Когда полиция теряет след

Редакционная статья Летиции Уэллс «Демократия дает нам много прав. В том числе право требовать уважения к умершим. Однако покойной семье Сальта в этом праве было отказано. Тайна тройного убийства не только не была раскрыта, но и в довершение всего погибшего Себастьяна Сальта, который уже не может защитить себя, обвиняют не только в самоубийстве, но и убийстве двух братьев.

Над кем они насмеются, и до чего же удобно обвинять мертвых: ведь они не могут прибегнуть к помощи адвоката! Однако тройное убийство на улице Фезандри, по крайней мере, дает нам возможность поближе познакомиться с личностью комиссара Жака Мелье. Этот человек уверен в своей непогрешимости, потому и позволяет себе бесстыдно спускать на тормоза расследование. В Центральном агентстве прессы господин Мелье заявил, будто бы братья Сальта умерли от отравления, он не только делает поспешные выводы о деле, которое гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, но и оскорбляет мертвых!

Самоубийство? Могу вас уверить, достаточно мельком взглянуть на Себастьяна Сальта, чтобы понять, что он скончался от ужаса. На его лице был только ужас!

Проще всего предположить, что виновник двойного братоубийства испытывал сильные угрызения совести и поэтому у него такое лицо. Но для того, кто имеет хоть какое-то представление о человеческой психологии – а это, как мне кажется, не относится к господину комиссару Мелье, – человек, способный подмешать смертельный яд в семейную трапезу, уже прошел стадию переживаний. На его лице скорее отразится обретенное наконец спокойствие.

Боль? Боль от яда не может быть настолько сильной. И еще надо выяснить, что это за яд, на

который списывают преступление. Полиция не дала мне разрешения на осмотр места преступления, и я отправилась в морг. Я говорила с судебно-медицинским экспертом, и он мне сообщил, что вскрытия тел трех братьев Сальта не будет. Итак, дело закрыто, а точной причины их смерти никто так и не знает. Какая несерьезность со стороны господина комиссара – такого прославленного криминалиста!

Столь поспешное закрытие дела братьев Сальта дает повод не только для размышления, но и для беспокойства. С полным правом можно задаться вопросом, достаточно ли высок уровень обучения кадров в нашей национальной полиции для столь изощренных современных преступников». Подпись: Л. У.

Скомкав газету, Мелье выругался.

13. 103683-й размышляет

Пальцы!

Пальцы!

103683-го охватывает неведомый трепет.

Обычные муравьи не ведают страха. Но является ли 103683-й «обычным» муравьем? Произнеся пахучее слово «Палец», мертвая голова со свалки пробудила в его мозгу зону, до этого спавшую, потому что она не использовалась в течение тысячи поколений. Зону страха.

До этого момента при мысли о крае мира солдат старался не погружаться в свои воспоминания. Он затушевывал в своем мозгу встречу с Пальцами. С Пальцами и с их феноменальной мощью, непонятым строением, слепым стремлением убивать.

Но этого черепа, этого ничтожного ошметка мертвого тела, оказалось достаточно, чтобы вновь активизировать зону страха. Раньше 103683-й был бесстрашным воином, и всегда был в первых рядах легионов в сражениях с карликовыми муравьями. Мог ни с того ни с сего отправиться добровольцем на зловещий Запад. Он вылавливал земляных шпионов. Охотился на животных, головы которых даже видно не было – так высоко она была. Но встреча с Пальцами поубавила его резвость.

103683-й смутно помнит этих чудищ из апокалипсиса. Его друга, старого 4000-го, расплющило и превратило в листик стремительное черное облако.

Кто-то называл их «стражами края мира» или «бесконечными животными», а кто-то «твердыми тенями», «лесорубами» и даже «дыханием смерти»...

Но недавно муравейники всего региона сошлись на едином названии для этого непонятого явления:

Пальцы!

Пальцы – это груды, которые возникают из ниоткуда и сеют смерть. Пальцы – это животные, которые сметают все на своем пути. Пальцы – это огромные массы, которые налетают и давят маленькие Города. Пальцы – это тени, они загрязняют лес такими продуктами, что любой, кто прикоснется к ним, отравится. При одной только мысли об этом у 103683-го возникает приступ отвращения.

Он разрывается между двумя чувствами: страхом, чуждым его племени, и тем что, в отличие от страха, муравьям очень даже свойственно – любопытством!

В течение ста миллионов лет муравьи стремятся к прогрессу. Эволюционное движение, провозглашенное Шли-пу-ни, – всего лишь отражение вечного муравьиного девиза – дальше, выше, сильнее.

103683-й на этом и поймался. Любопытство прогоняет страх. Ведь обескровленная голова говорит о мятежниках и крестовом походе против Пальцев – и это не банальная шутка!

103683-й чистит усики, желая уточнить свое местоположение.

Затем вскидывает их к необъятному небу.

Воздух тяжелый, будто поблизости притаился хищник, готовый броситься на Город. Ветви зашевелились от внезапно налетевшего ветерка. Кажется, деревья предостерегают его, но все это ерунда. Этим великанам нет дела до драм, происходящих между их корнями. 103683-му совсем не нравится менталитет деревьев: что бы ни случилось, они и не пошевеливаются. Можно подумать, что сами они неуязвимы! Но случается, что и деревья падают от бури, от удара молнии или просто от подкопов термитов. Вот тогда наступает очередь муравьев проявлять бесчувствие к их беде.

Пословица карликовых муравьев утверждает: *Большие всегда уязвимей маленьких.*

А что, если Пальцы – это ходячие деревья?

103683-й не тратит времени на подобные размышления. Он принял решение проверить, правду ли сказала голова.

Через узкий ход рядом со свалкой он попадает в муравейник и идет по окружному бульвару. От бульвара отходят широкие проспекты, ведущие в Закрытый город. Но муравью совсем не туда. Он спускается вниз по покатым коридорам, где приходится притормаживать когтями. Через прямой коридор он попадает в сеть галерей, здесь никакой толкотни, движение обычное.

Рабочие перетаскивают кто пищу, кто ветки, они приветствуют 103683-го. Личной славы у муравьев не существует, но этот солдат известен многим: он побывал там, в стране Пальцев. Он видел край мира под тупым углом планеты.

103683-й поднимает антенну и спрашивает дорогу к стойлам скарабеев. Один рабочий объясняет, что те находятся на минус 20-м этаже, квартал юг-юго-запад, слева, за плантациями черных грибов.

И он припустился туда рысцой.

После прошлогоднего пожара были проделаны большие работы. Раньше Город Бел-о-кан был пятьдесят этажей в высоту и пятьдесят в глубину. Перестроенный королевой Шли-пу-ни, обновленный Город возвышается теперь на восемьдесят этажей в высоту. Глубину изменить не смогли: пол ограничивает гранитная плита.

Продолжая путь, солдат не перестает восхищаться процветанием своей метрополии.

Этаж +75: терморегулируемые ясли с разлагающимся перегноем, зал для просушки нимф, усыпанный мелким песком, впитывающим влагу. Оборудованная легким уклоном система спуска позволяет теперь отправлять яйца на нижние этажи для интенсивного ухода. Там их постоянно облизывают пузатые кормилицы. Они вводят в рацион антибиотики и протеины, необходимые для правильного роста нимф.

Этаж +20: запасы сушеного мяса, кусочки фруктов, резервы грибной муки. Все тщательно покрыто муравьиной кислотой, предохраняющей от гниения.

Этаж +18: дымящиеся ванны с экспериментальной стратегической кислотой накрыты толстым слоем листьев. Кончиком длинных мандибул химики проверяют кислоту на едкость. Некоторые кислоты получены из фруктов: например яблочная кислота. Есть кислоты, выделенные по-другому: щавелевая кислота из щавеля, серная кислота из желтых камней. Для охоты идеально подходит новейшая разработка – муравьиная кислота с концентрацией 60 %. Она обжигает внутренности стрелка, но зато жертву убивает наповал. 103683-й уже опробовал ее.

Этаж +15: достроили зал для сражений. Здесь воины сходятся врукопашную. Новобранцев заносят в феромоны памяти для Химической библиотеки. Новое веяние дня: больше не кидаться на голову противника, а отрезать ему лапки по одной, пока он не потеряет способности передвигаться. Чуть подальше стрелки упражняются в меткости, стреляя в зерна с десяти шагов.

Этаж -9: хлев для тли. По настоянию королевы Шли-пу-ни все стойла расположены внутри Города, чтобы исключить риск нападения на стада жестоких божьих коровок. Рабочие непрерывно подбрасывают тле куски остролиста, из которых та торопливо высасывает сок.

Этаж -14: грибные плантации тянутся, насколько хватает глаз, их удобряют из емкости с компостом, каждый должен туда испражняться. Одни фермеры подрезают вылезавшие за пределы плантации корневища, другие раскладывают мирмекацин, который защищает грибы от паразитов.

Неожиданно перед 103683-м выпрыгивает зеленое животное, за ним гонится еще одно. Похоже, они дерутся. Муравей спрашивает окружающих, кто такие эти странные насекомые. Пещерные клопы-вонючки, отвечают ему. Они постоянно совокупляются. Всеми возможными

способами, где угодно и с кем угодно. У этого животного самая невероятная сексуальность на планете. Шли-пу-ни изучает их с большим интересом.

Во все времена и во всех муравейниках есть комменсалы. Насчитывается более двух тысяч видов насекомых, многоножек, паукообразных, постоянно проживающих в муравейнике, и муравьи относятся к ним вполне терпимо. Некоторые пользуются этим, чтобы завершить свою метаморфозу, другие вычищают залы, пожирая отходы.

Но Бел-о-кан – это первый Город, где их стали изучать «научно». Королева Шли-пу-ни утверждает, что любое насекомое можно выдрессировать и превратить в грозное оружие. По ее словам, каждой особи можно найти применение, а какое – поймешь, когда найдешь с ней общий язык. Достаточно просто быть наблюдательным.

В настоящий момент Шли-пу-ни с успехом использует это. Ей удалось «приручить» несколько видов жесткокрылых: им дают кров и пищу, лечат от болезней, как когда-то делали с тлей. Самое большое достижение королевы – это укрощение скарабеев-носорогов.

Этаж -20: квартал юг-юго-запад, налево от плантаций черных грибов. Сведения оказались верны. Действительно, в конце коридора жилище скарабеев.

Страх: Чтобы понять, почему муравьи не испытывают страха, следует знать, что муравейник живет как единый организм. Отдельному муравью отводится та же роль, что и клетке в человеческом теле.

Разве кончики ногтей боятся, что их отрежут? Разве волосы на наших подбородках дрожат от приближения бритвы? А большой палец на ноге пугается, когда им проверяют температуру в ванне, даже если там кипяток?

Они не испытывают страха, потому что не живут как автономные существа. Если наша левая рука ущипнет правую, то правая совсем не разозлится на нее. Если на нашей правой руке больше колец, чем на левой, то зависти тоже не будет. Конец заботам, когда забываешь себя и думаешь только об организме в целом. Может быть, в этом заключается один из секретов успеха общественного мира муравьев.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

15. Летиция по-прежнему не появляется

Когда ярость поутихла, Жак Мелье открыл чемоданчик и достал оттуда папку с делом братьев Сальта. Снова стал внимательно изучать все детали и особенно пристально – фотографии. Он долго разглядывал крупный план: Себастьян Сальта с раскрытым ртом. Казалось, с его губ срывается крик. Крик ужаса? «Нет» перед неизбежной смертью? Возможно, он узнал своего убийцу? Чем дольше комиссар смотрел на фотографию, тем сильнее его охватывал стыд.

В итоге нервы сдали, он вскочил и яростно вдарил по стене.

Журналистка из «Воскресного эха» оказалась права. А вот он сел в галошу.

Он недооценил дело. Унижение – это отличный урок. Нет худшей ошибки, чем недооценка ситуации или людей. Спасибо вам, мадам или мадемуазель Уэллс!

Но почему он так непрофессионально повел это дело? Все из-за беспечности. Он привык к тому, что всегда оказывался прав. На этот раз он позволил себе то, чего не допустил бы ни один рядовой полицейский, даже новичок в этой профессии: он повел дело небрежно. А его репутация настолько безупречна, что никто, кроме этой журналистки, даже не заподозрил его в том, что он пошел не тем путем.

Теперь все надо начинать сначала. Болезненный, но необходимый пересмотр! И лучше сегодня признать ошибку, чем упорствовать в своей неправоте.

Это не самоубийство – проблема в том, что он столкнулся с чертовски трудным делом. Но как убийцы смогли войти и выйти из закрытого помещения не оставив следов? Как можно убить, не нанося ран и не используя никакого орудия преступления? Загадка превосходила самые изощренные детективные романы, прочитанные им до сих пор.

Внезапно его охватило невиданное воодушевление.

А что, если, наконец, случилось то, что он напал на идеальное преступление?

Он вспомнил о двойном убийстве на улице Морг, так мастерски описанном в новелле Эдгара По. Эта история основана на реальных событиях: женщину и ее дочь нашли мертвыми в закрытой квартире. Замок был заперт изнутри. Женщину зарезали бритвой, дочь убили мощным ударом. Никаких следов ограбления – только нанесенные с особой жестокостью смертоносные удары. В конце концов убийца был найден: это оказался сбежавший из цирка орангутанг, который проник в квартиру через крышу. Увидев его, жертвы подняли крик. От их воплей обезьяна обезумела. Она убила их, чтобы заставить замолчать, потом вернулась той же дорогой; орангутанг задел спиной окно, от удара вертикальные ставни захлопнулись, все выглядело так, будто они были закрыты изнутри.

В деле братьев Сальта ситуация была похожая, только вот никто не мог закрыть окно, ударившись спиной.

Но так ли это?

Мелье тут же отправился на место преступления.

Электричество было отключено, но он прихватил с собой карманный фонарик. Он осмотрел комнату: свет проникал сюда с улицы неровным блеском разноцветных неонов. На этом месте совсем недавно лежали покрытые воском Себастьян Сальта и его братья, застывшие, будто столкнулись с каким-то сверхъестественным ужасом, выскочившим из городского ада.

Закрытая на замок дверь к делу не относилась, поэтому комиссар стал проверять замки на окнах. Эти сложные шпингалеты невозможно было закрыть снаружи, тем более случайно.

Он простукивал обклеенные коричневыми обоями стены в поисках тайного хода. Отодвигал картины и проверял, нет ли за ними сейфа. В комнате было несколько ценных вещей: золотой

канделябр, серебряная статуэтка, chaine compacte hifi... Любый грабитель забрал бы их.

На стуле висела одежда. Мелье машинально осмотрел ее. Кое-что привлекло его внимание. В ткани пиджака была крошечная дырочка. Как будто от моли, но идеально квадратной формы. Он повесил на место пиджак и больше не думал об этом. Доставая из кармана очередную пачку жвачки, он выронил аккуратно вырезанную статью из «Воскресного эха».

И снова перечитал статью Летиции Уэллс.

Она говорила о маске ужаса. Это правда. Люди, казалось, умерли от страха. Но что же могло напугать их до такой степени?

Он погрузился в воспоминания. Однажды в детстве на него напала сильная икота. Мать остановила ее: она неожиданно выскочила в волчьей маске. Он закричал, а его сестра на мгновение замерла и тут же кинулась в драку. Мать сняла маску и расцеловала сына. Конец икоте!

Жак Мелье вообще рос в постоянном страхе. Маленькие страхи: болезнь, полиция, автокатастрофа, человек, который угощает конфетами, а потом похищает его. Страхи побольше: остаться на второй год, у выхода из лица стать жертвой рэкетиров или собак.

Вспомнилось множество других детских страхов.

Однажды ночью, когда он был совсем маленьким, он почувствовал, как что-то шевелится на кровати. Чудовище притаилось там, где он считал себя наиболее защищенным! Какое-то время он не решался вытянуть ноги под одеялом, потом, набравшись духу, осторожно скользнул туда.

Но вдруг на своих пальцах он почувствовал... теплое дыхание. Это было невыносимо. Да, он был уверен! Чудовище, разинув страшную пасть, хотело схватить и отгрызть ему ноги. Мелье был невысоким, но он подрастал, и его ступни постепенно приближались к другому концу кровати, к месту, где пряталось чудовище, пожирающее пальцы на ногах.

Юный Мелье частенько устраивался спать на полу или поверх одеяла на кровати. От этого у него возникали судороги, да и проблему это не решало. А когда он спал под простыней, то уговаривал свое тело, мышцы, кости остановить рост, чтобы никогда не дорасти до другого конца кровати. Может, поэтому он и не вырос таким же высоким, как его родители.

Каждая ночь была испытанием. И он придумывал всякие хитрости. Он изо всех сил прижимал к себе плюшевого мишку. С ним он был готов противостоять притаившемуся в ногах монстру. А еще он прятался под одеяло так, чтобы не выставлять наружу ни руки, ни уха, ни единого волоска. Он опасался, что монстр дожидается ночи, чтобы по полу обойти кровать и отхватить ему голову.

По утрам мать находила под мятой кучей постельного белья сына с медвежонком. Она никогда не пыталась понять странностей такого поведения. Да и сам Мелье не потрудился рассказать, как каждую ночь вместе со своим медвежонком противостоял чудовищу.

Схватка не закончилась ни в пользу Мелье, ни в пользу чудовища. Но страх у Мелье остался. Страх вырасти большим и страх столкнуться с чем-то таким ужасным, чего он даже не может назвать. Что-то с красными глазами, вывернутой губой и слюнявыми клыками.

Комиссар взял себя в руки, сжал светящуюся лупу и куда внимательней, чем в прошлый раз, приступил к осмотру места преступления.

Сверху, снизу, справа, слева.

Никаких следов от грязных подошв на ковре, ни единого чужого волоска, ни даже отпечатка на стеклах. Нет чужих отпечатков и на стаканах. Он прошел на кухню. Осветил ее лучом своего фонарика.

Обнюхал и попробовал все блюда. Эмилиюхватило ума покрыть воском продукты. Славный Эмиль! Жак Мелье понюхал графин с водой. Ядом не пахнет. Фруктовые соки и содовая тоже выглядели безобидно.

Но лица братьев Сальга были искажены маской страха. Такого же страха, как у тех женщин с улицы Морг, когда они увидели, как неуклюжая обезьяна влезает к ним через окно гостиной. Он снова подумал о том убийстве. Ведь на самом деле орангутанг тоже сильно испугался: он убил женщин, чтобы прекратились вопли. Он испугался криков.

Еще одна драма от непонимания. Мы боимся того, чего не понимаем.

Размышляя об этом, он вдруг заметил, как что-то шевельнулось за занавеской – его сердце похолодело. Убийца вернулся! Комиссар выронил светящуюся лупу, и она погасла. Теперь свет проникал только с улицы: неоны поочередно загорались, выводя буквы вывески «Бар изобилия».

Жаку Мелье захотелось спрятаться, замереть, провалиться. Собрав волю в кулак, он поднял лупу и отодвинул занавеску. Там никого не было. Или же это был Человек-невидимка.

– Кто здесь?

Ни звука. Значит, это просто сквозняк. Больше он не мог здесь оставаться и отправился опрашивать соседей.

– Здравствуйте, извините, полиция. Ему открыл элегантный господин.

– Полиция. Всего пара вопросов, я задам их с порога.

Жак Мелье достал записную книжку.

– Вы были дома в тот вечер, когда совершилось преступление?

– Да.

– Вы слышали что-нибудь?

– Выстрелов не было, но они все вдруг закричали.

– Закричали?

– Да, очень громко. Крики были ужасны. Это длилось с полминуты, а потом все стихло.

– Они кричали одновременно или по очереди?

– Пожалуй, одновременно. Это был нечеловеческий рев. Наверное, они сильно мучились. Как будто их троих убивали одновременно. Вот такая история. Скажу вам честно, после того как я услышал крики этих людей, я плохо сплю. Скажу больше, я хочу отсюда переехать.

– Как вы думаете, что это могло быть?

– Здесь уже побывали ваши коллеги. Кажется, какой-то полицейский ас определил... самоубийство. Лично я не особо этому верю. Они столкнулись с чем-то ужасным, а вот с чем, я не знаю. В любом случае оно не издавало никаких звуков.

– Спасибо.

Навязчивая мысль засела в голове.

(Это преступление совершил свирепый волк, он бесшумно подкрадывается и не оставляет следов.)

Но он знал, что это совсем не так. И если это не так, то что же это могло быть, что еще страшнее, чем внезапно возникший с крыши орангутанг, вооруженный бритвой? Гениальный безумец, нашедший способ идеального преступления.

Безумие: С каждым днем мы все утрачиваем разум, но безумие у каждого свое. По этой причине мы так плохо понимаем друг друга. Лично я понимаю, что страдаю паранойей и шизофренией. Мало того, я еще очень чувствительный, а это искажает видение реальности. Я это знаю. Поэтому стараюсь не переживать из-за безумия, а использовать его в качестве двигателя во всех своих начинаниях. И чем больше меня охватывает безумие, тем быстрее я достигаю поставленных целей. Безумие – это свирепый лев, заключенный в черепе каждого. И нечего с ним воевать. Его достаточно обнаружить и приручить. Но с собственным безумием, как с любым мощным источником, есть риск заиграться: иногда разъяренный лев может напасть на того, кто его приручает.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

17. Следы

103683-й нашел стойла скарабеев. В этом большом зале обитают жуки-носороги с безупречным телосложением. Их тела покрыты толстыми и зернистыми черными пластинами, трущимися друг о друга. Сзади их корпус гладкий и закругленный. Спереди – хитиновый капюшон заканчивается длинным острым рогом, он в десять раз толще шипа розы.

Насколько известно 103683-му, размеры этих летающих животных шесть шагов в длину и три шага в ширину. Они живут в полумраке, но, как ни парадоксально, их единственная слабость – тяга к свету. В мире насекомых сияние – это соблазн, перед которым мало кто может устоять.

Крупные животные поедают даже опилки и гниющие почки. И повсюду оставляют маленькие кучки, отчего вокруг стоит нестерпимая вонь; здесь низкий потолок, животным мало места для движения. Рабочих, которые должны заниматься чисткой помещения, похоже, тут не было давно.

Приручение этих жесткокрылых было делом серьезным. Королеве Шли-пу-ни пришла в голову мысль искать альянса с носорогами после того, как один из них спас ее из паутины паука. Едва став королевой, она сформировала из них летучий легион. Но возможности повести их в бой пока не представилось, они еще не приняли крещения кислотой, и неизвестно, как эти мирные травоядные отреагируют на военную ситуацию, когда столкнутся с полчищами разъяренных солдат.

103683-й проскальзывает между лапами этих крылатых мастодонтов. Его внимание привлекла изобретенная для них поилка: в центре зала на листе огромная капля воды, и когда одно из животных подходит утолить жажду, лист прогибается.

Шли-пу-ни убедила скарабеев поселиться в Бел-о-кане, просто поговорив с ними на языке феромонов. Она гордится своим дипломатическим талантом. *«Достаточно найти способ общения и можно объединить два разных мышления»*, – разъясняет она свои эволюционные идеи. Для достижения этого, по ее мнению, все способы хороши: съедобные подарки, запахи-паспорта, успокоительные феромоны. Она считает, что если два животных общаются друг с другом, то они уже не способны убить друг друга.

На последнем собрании королев Федерации ей возразили, что первая реакция у любого животного – это уничтожить все, что от него отличается: и если один хочет общаться, а другой убивать, то первый всегда будет повержен. На что Шли-пу-ни тонко возразила, что, в конце концов, убийство – это тоже форма общения, пусть даже самая примитивная. Чтобы убить, надо приблизиться, рассмотреть, изучить, предугадать реакции своего противника. То есть проявить к нему интерес.

В эволюционном движении изобилие парадоксов!

103683-й отрывается от созерцания скарабеев и продолжает поиски потайного хода, который должен привести его к муравьям-мятежникам.

На потолке он замечает следы. Они расходятся во всех направлениях, как будто специально запутывая дорогу. Но 103683-й – великолепный следопыт: он с ходу распознает свежие отпечатки и продвигается по ним.

Следы приводят его к входу, замаскированному маленьким бугорком. Должно быть, это здесь. Сначала он закапывает кокон бабочки, который ему мешает, просовывает первым делом голову, а затем и все тело в коридор и с опаской продвигается вперед.

Здесь пахнет муравьями.

Мятежники. Откуда в таком едином организме, как Бел-о-кан, могут взяться мятежники? Это как если бы где-нибудь в закоулке кишечника клетки отказались бы принимать участие в

жизни тела. Это можно сравнить с аппендицитом. И 103683-й направлялся на встречу с приступом аппендицита, происходящем в живом Городе.

И сколько же мятежников откололось от Города? Какие у них мотивы? Чем дальше он продвигается, тем сильнее хочет узнать всю правду. Теперь, когда ему известно о существовании мятежников, ему хочется их отыскать, узнать об их деятельности и целях.

Он продвигается вперед по свежим запахам. По этому узкому тоннелю прошли совсем недавно. Вдруг две лапки с четырьмя когтями крепко хватают его и резко толкают вперед. Из коридора он влетает прямо в зал. Две мандибулы хватают его за шею и начинают сдавливать.

103683-й отбивается. За панцирями, которые его обступают, он различает комнату с очень низким потолком. Довольно просторную. Насколько позволяют усики, он определяет, что комната размером тридцать на двадцать шагов, то есть этот фальшивый потолок накрывает все стойло скарабеев.

Не меньше сотни муравьев окружают его. Многие подозрительно изучают идентификационные запахи пришельца.

Как от них избавиться? Когда меня спрашивают, как избавиться от муравьев, если они завелись на кухне, я отвечаю: а по какому праву ваша кухня принадлежит вам больше, чем муравьям? Ах, вы ее купили? Отлично, но у кого? У других людей, которые эту кухню построили из бетона, то есть из продукта, данного самой природой. Это соглашение между вами и людьми, которые это изготовили, что эти обработанные куски природы якобы принадлежат вам. Но это просто людская условность. Значит, и касается она только людей. Почему томатный соус из вашего шкафа принадлежит вам больше, чем муравьям? Ведь томаты произрастают из земли! Бетон тоже взят из земли. Как и металл, из которого сделаны ваши вилки, как и фрукты в вашем джеме, как и материал, из которого построены ваши стены, – все это дала планета. Человек только дал им названия, наклеил этикетки и назначил цену. Но все это вовсе не делает вас собственником. Земля со всеми своими богатствами принадлежит всем ее обитателям...

Однако эта мысль опережает время, ее трудно понять. Но если вы все же решили избавиться от этих крошечных конкурентов, «наименее жесткий» метод – это по-прежнему базилик. Заведите маленькое растение базилика и поместите его в зоне, которую хотите защитить. Муравьи не любят запах базилика и, скорее всего, они отправятся гостить в квартиру вашего соседа.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

19. Мятажники

Быстрыми движениями усиков 103683-й представляется мятежникам. Он солдат. Уверяет, что нашел на свалке череп, который поручил ему отправиться сюда и предупредить, что скоро состоится крестовый поход против Пальцев.

Новость производит эффект. Муравьи не умеют лгать. Они еще сами не осознали пользу этого.

Кольцо окружения расступается. Вокруг задергались усики. 103683-й улавливает феромоны, все говорят о рейде в Химическую библиотеку. Кое-кто из мятежников полагает, что солдату удалось поговорить с одним из трех членов той самой команды. От них слишком долго нет вестей.

Из того, что ему удастся услышать, 103683-й делает вывод, что это настоящие подпольщики, и они делают все, чтобы сохранить свою тайну. Мятажники продолжают обсуждать его сообщение. Особенно их удручает определение «крестовый поход против Пальцев». Они выглядят расстроенными. Некоторым интересно, а как поступят с незванным гостем. Он представляет опасность: ему известно их убежище, а ведь он не является их сторонником.

Кто ты?

103683-й дает все свои определяющие характеристики: касту, номер кладки, родной муравейник... Мятажники изумлены. Оказывается, перед ними стоит знаменитый 103683-й солдат – единственный из рыжих муравьев, кто побывал на краю мира и вернулся назад.

Его освобождают. Даже уважительно расступаются. Завязывается разговор.

Муравьи разговаривают с помощью запахов, эти феромоны испускаются сегментами усиков. Феромон – это гормон, способный отделяться от одного тела и по воздуху проникать в другое тело. Если один муравей испытывает какое-то чувство, он испускает феромон, и все муравьи вокруг испытывают это чувство вместе с ним. Если муравей в стрессовом состоянии, он моментально передает это окружающим, так что им остается только одно – прекратить это болезненное послание, придя бедняге на помощь.

Каждый из одиннадцати сегментов усика испускает волны пахучих слов определенной длины. Эти сегменты, словно рты, которые могут говорить одновременно каждый на своей длине волны. На низких частотах передают базовую информацию. Более легкие послания посылают на высоких частотах.

Эти же сегменты выполняют еще функцию ушей. Так что обе стороны говорят одиннадцатью ртами и слышат одиннадцатью ушами. И все это – одновременно. Кроме того, в их речи имеется множество нюансов. Из муравьиного диалога узнаешь в одиннадцать раз больше и в одиннадцать раз быстрее, чем из человеческого. Когда человек наблюдает встречу двух муравьев, ему кажется, что они, едва коснувшись друг друга кончиками усиков, снова отправляются дальше каждый по своим делам. Однако во время этого мимолетного контакта все, что нужно, уже сказано.

Прихрамывая, приближается какой-то солдат (у него всего пять лапок) и спрашивает, не он ли был давним другом 327-го принца и принцессы Шли-пу-ни.

103683-й подтверждает, что так оно и было.

Хромой сознается, что когда-то разыскивал его и собирался убить. Но теперь ветер переменился, и при этом он испускает запах-насмешку:

А теперь уже я оказался вне закона, а государство представляешь ты.

Времена меняются.

Хромой предлагает трофоллакис. Его собеседник соглашается, и оба целуются в губы, и

глядят друг другу усики до тех пор, пока пища из социального зоба дающего полностью не перельется в желудок 103683-го.

Они взаимодействуют, как сообщающиеся сосуды. Их пищеварительные системы тоже сообщающиеся.

Хромой делится своей энергией – гость ей наполняется. 103683-й вспоминает мирмекийскую поговорку III тысячелетия: *Дающий богатеет, а берущий беднеет.*

Однако он не мог отказаться от такого дара.

Потом мятежники показывают ему свое убежище. Тут имеются запасы зерна, медвяной росы, яйца с феромонами памяти.

103683-му все эти заговорщики почему-то не кажутся опасными. Сохранение своей тайны заботит их куда больше, чем роль мятежников, которые жаждут политической власти и рвутся к ней.

Хромой подходит ближе и начинает доверительно объяснять. Когда-то мятежники назывались по-другому. Это были «воины с запахом земли», и они были тайной полицией на службе королевы Бело-кью-кью-ни, матери нынешней королевы Шли-пу-ни. Тогда они были настолько в силе, что им удалось построить тайный Город. Свой, тайный Город. Второй Бел-окан.

Хромой признается, что они, воины с запахом земли, пытались уничтожить 327-го принца, 56-ю принцессу (Шли-пу-ни) и его самого, 103683-го солдата. Тогда никто не знал, что Пальцы существуют на самом деле. Королева Бело-кью-кьюни опасалась, что подданные будут в панике, если узнают, что эти гигантские животные наделены почти таким же развитым интеллектом, как и сами рыжие муравьи.

Бело-кью-кьюни заключила соглашение с посланцем Пальцев: она скроет информацию о существовании Пальцев, а за это они поделятся с муравьями своими знаниями в обмен на знания муравьев. Но оба представителя, и муравьев, и Пальцев, должны хранить это в секрете от своего населения.

Королева Бело-кью-кьюни поняла, что еще не настало то время, когда эти две цивилизации смогли бы понять друг друга. И тогда она повелела своим воинам с запахом земли уничтожать всех, кто прознает о существовании Пальцев.

Эта воля дорого всем обошлась. Хромой признается, что это они убили 327-го принца, как, впрочем, и несколько тысяч других муравьев, которым так или иначе стало известно, что Пальцы – это не просто легенда, что они на самом деле существуют и бродят по лесу.

103683-й заинтригован. Означает ли это, что диалог между рыжими муравьями и Пальцами на самом деле существует?

Хромой утверждает это. Пальцы поселились в подземелье под Городом. Они изобрели машину и создали муравья-посла, который умеет испускать и принимать феромоны. Машина-переводчик называется «Пьер де Розетт», а посла зовут «Доктор Ливингстон»; это имена Пальцев. При помощи этого посредничества Пальцы и муравьи смогли поведать друг другу главное:

«Мы существуем в разных величинах, мы разные, но и мы и вы сумели построить разумную цивилизацию на этой планете».

Это был первый контакт. Потом было много других. Пальцы оказались пленниками подземелья под Городом, а Бело-кью-кьюни кормила их, помогая им выжить. Общение было регулярным и продолжалось на протяжении целого сезона. Благодаря Пальцам Бело-кью-кьюни узнала принцип работы колеса, но не успела поделиться этим со своим народом, так как погибла во время пожара в Городе.

Когда ее дочь Шли-пу-ни взошла на престол, она даже слышать не захотела о Пальцах. Она

запретила их кормить. Проход, ведущий в другой, тайный Бел-о-кан, как и проход, ведущий в пещеру Пальцев, она приказала залить осиным бетоном. Вот так. Она обрекла их на голодную смерть.

С того времени стража Шли-пу-ни начала гонения на воинов с запахом земли. Новая королева не пожелала оставлять ни малейшего следа от этого позорного эпизода, когда муравьи сотрудничали с Пальцами. Королева, родом из рыжих муравьев, увлеченная межвидовыми контактами, проявила в этих обстоятельствах странную нетерпимость.

За один день почти половина воинов второго Бел-о-кана была предана смерти. Были и сбежавшие, они закопались в стены и потолки. Они решили избавиться от запахов узнавания, чтобы выжить, и переименовали себя. Они стали называться «сторонники Пальцев».

103683-й всматривается в этих так называемых мятежников. Большинство из них покалечено. Стража королевы устроила им нелегкую жизнь. Правда, среди них есть и молодые, пребывающие в добром здравии. Возможно, все эти солдаты наивно позволили заморочить себя рассказами о параллельной цивилизации.

Но каким безумием с их стороны было вовлечение белоканцев в братоубийственную войну! И ради чего? Ради Пальцев, о которых почти ничего не известно.

Хромой говорит, что теперь мятежники особенно сплотились. Их главный штаб располагается здесь, в фальшивом потолке над стойлом скарабеев. И они научились испускать настолько незаметные запахи, что федеральные солдаты до сих пор не могут их обнаружить.

Какая цель у этого тайного движения?

Хромой выдерживает напряженную минутную паузу. Он добился желаемого эффекта, а затем заявил, что Пальцы, когда-то поселившиеся под полом, не вымерли. Мятежники сумели пробиться сквозь осиный бетон, они восстановили проход в гранитной плите и возобновили поставки продовольствия.

Может, 103683-й тоже хочет присоединиться к мятежникам? Солдат колеблется, но любопытство, как всегда, побеждает. В знак согласия он наклоняет антенны вперед. Все поздравляют друг друга. Теперь в рядах движения есть воин, который сумел дойти до края мира. Ему предлагают многочисленные трофоллаксисы, и 103683-й уже не знает, в какую сторону повернуться для очередного поцелуя. Эти кормящие поцелуи согревают его тело.

Хромой сообщает, что мятежники собирают отряд, который должен выкрасть муравьев-цистерн и отправить их под пол, чтобы Пальцы лучше питались. Если он хочет встретиться с Доктором Ливингстоном, ему представляется прекрасная возможность.

103683-й не заставляет просить себя дважды. Ему не терпится увидеть гнездо Пальцев, спрятанное под Городом. Не терпится поговорить с ними. Он так долго жил в постоянных мыслях о Пальцах. И вот теперь он может излечиться от «болезни томления духа», удовлетворив свое любопытство.

Тридцать доблестных солдат-мятежников, напившись медвяной росы и восстановив силы, направляются в зал к муравьям-цистернам. С этим отрядом отправляется и 103683-й.

Только бы не напороться на патруль.

20. Телевидение

Она следила за всеми, кто входил и выходил. Консьержка, сидя у приоткрытого окошка, добросовестно несла службу на своем посту. Комиссар Мелье подошел к ней:

– Мадам, позвольте вас спросить?

Она подумала, что, наверняка, сейчас последует какое-нибудь замечание по поводу грязных зеркал в лифте. Однако кивнула.

– Скажите, чего вы боитесь в жизни больше всего?

Странный вопрос. Она раздумывала, боясь ляпнуть какую-нибудь глупость, ей не хотелось разочаровать своего самого знаменитого жильца:

– Я думаю, иностранцев. Да, иностранцев. Их развелось слишком много. Они отнимают у людей работу. Нападают на них из темного угла по вечерам. Они не такие, как мы, вот что! Вот и поди узнай, что там у них на уме?

Мелье кивком поблагодарил ее. Он уже был на лестнице, когда она, все еще пребывая в напряжении, бросила ему:

– Доброй ночи, господин комиссар!

Дома он скинул ботинки и устроился перед телевизором. Нет ли там чего-нибудь такого, что отвлекло бы запущенную в голове машину расследования. Даже когда мы спим и видим сны, – это все-таки работа. А вот телевизор, тот опустошает мозг. Нейроны отправляются на каникулы, и все церебральные огни перестают мигать. Блаженство!

Он взял пульт.

По 1675-му каналу шел какой-то американский фильм: «Эй, Билл, ты дерьмо, ты думал, ты лучший, а теперь видишь, ты такой же червяк, как и все.»

Мелье переключил:

Канал 877, реклама: «Крак-Крак раз и навсегда избавит вас от.»

Он снова переключил канал.

Всего было 1825 каналов, но только 622-й каждый вечер ровно в двадцать часов радовал его популярнейшей передачей: «Головоломка для ума».

Титры. Фанфары. Появляется ведущий. Аплодисменты.

Мужчина сияет:

– Я счастлив снова видеть у экранов телевизора вас всех, верных нашему 622-му каналу. Добро пожаловать на сто четвертую передачу «Головоломка для.

– ума»! – взрывается аудитория. Мария-Шарлотта то сворачивалась в клубок у его ног, то требовала внимания. Он дал ей тунцового паштета. Паштет из тунца Мария-Шарлотта любила больше, чем ласку.

– Я повторю правила для тех, кто смотрит нашу передачу впервые.

В адрес этих невежд в зале раздается свист.

– Спасибо. Итак, принцип прост. Мы даем загадку. Кандидату или кандидатке надо ее разгадать. Это и есть «Головоломка для.

– ...ума»! – подхватывает публика. Лучезарный ведущий продолжает:

– За каждый правильный ответ выдается чек на десять тысяч франков плюс джокер, который дает право на одну ошибку и тем самым дает шанс выиграть еще десять тысяч франков. Нашей чемпионкой уже не первый месяц является мадам, э-э-э, Жюльетта. Рамирез. Будем надеяться, что и сегодня она не проиграет. Еще раз несколько слов о себе, мадам. Рамирез. Кем вы работаете?

– Почтальоном.

– Вы замужем?

– Да, и я уверена, что мой муж сейчас смотрит меня дома по телевизору.

– Тогда добрый вечер, мсье Рамирез! А дети у вас есть?

– Нет.

– Скажите, а какое у вас хобби?

– Ну. кроссворды. кухня. Аплодисменты.

– Громче, громче, – призывает ведущий. – Мадам Рамирез этого заслуживает.

Аплодисменты нарастают.

– А теперь, мадам Рамирез, вы готовы к новой загадке?

– Готова.

– Тогда я вскрываю этот запечатанный конверт и объявляю вашу сегодняшнюю загадку.

Барабанная дробь.

– Вот эта загадка: назовите следующую строку этой последовательности.

Фломастером он пишет цифры на белой доске:

1

11

21

1211

111221

312211

Крупный план кандидатки, на ее лице смятение:

– Ну. Это непросто!

– Не торопитесь, мадам Рамирез. У вас есть время до завтра. Вот вам в помощь ключевая фраза. Она направит вас по верному пути. Итак, слушайте внимательно: «Чем больше у вас ума, тем меньше у вас шансов догадаться».

Непонимающий зал аплодирует. Ведущий раскланивается:

– Дорогие телезрители, вы тоже запишите! Итак, до завтра, если пожелаете!

Жак Мелье переключился на региональные новости. Сильно накрашенная женщина с безупречной прической равнодушно читала текст с бегущей строки: «После блестящего успеха комиссара Жака Мелье в деле братьев Сальта префект Дюпейрон предложил зачислить выдающегося полицейского в ранг офицера Почетного легиона. Из достоверных источников известно, что Министерство юстиции благосклонно относится к его кандидатуре».

Жак Мелье с отвращением выключает телевизор. Что же делать? Продолжать играть роль звезды и замять дело или же не отступаться и попытаться выяснить правду – и тогда к черту репутация безупречного сыщика?

На самом деле, он прекрасно понимал, что никакого выбора у него нет. Соблазн раскрыть идеальное преступление был слишком велик. Он снял телефонную трубку:

– Алло, морг? Соедините меня с доктором. (Противная музыка.)...Алло, док, мне нужен подробный отчет о вскрытии тел братьев Сальта. Да, это срочно!

Он повесил трубку, набрал другой номер:

– Алло, Эмиль? Ты можешь мне достать досье на журналистку из «Воскресного эха»? Да, Летиция Уэллс. Ладно, через час я буду в морге, приезжай туда. И еще, Эмиль, маленький вопрос: чего ты боишься в жизни больше всего?.. Надо же, этого? Забавно. Я бы никогда не подумал, что это может кого-то напугать. Ладно, давай лети в морг.

Индийская ловушка: В охоте на медведей Канадские индейцы используют самую примитивную ловушку. На ветку дерева подвешивают большой камень, обмазанный медом. Медведь видит это, как ему кажется, лакомство, подходит и пытается схватить камень лапой, получая при этом удар. Камень раскачивается, создавая эффект маятника, и, каждый раз возвращаясь, бьет по медведю. Медведь сердится и бьет камень еще сильнее. И чем сильнее он его толкает, тем мощнее получает удар. И так до смертельного нокаута.

Медведь не способен подумать: «Может, прекратить эти истязания?» Он чувствует только нарастающее недовольство. «Меня бьют – я даю сдачи!» – думает он. Его ярость разгорается. Если он прекратит бить по камню, тот остановится, и тогда медведь заметит (как только установится покой), что это всего лишь инертный предмет, подвешенный на веревке. И тогда он сможет перегрызть веревку, а когда камень упадет, то можно и мед слизать.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

22. Миссия в зал цистерн

Даже здесь, на 40-м этаже под землей, спят далеко не все. Август в самом разгаре, и все изнывают от жары, даже по ночам, даже на такой глубине.

Раздраженные Белоканские воины без причины кусают прохожих. Рабочие мечутся между залами, где ухаживают за яйцами, и залами с медвяной росой. Муравейнику жарко.

Толпа горожан течет, как теплая лимфа.

Отряд из тридцати мятежников незаметно проникает в зал с муравьями-цистернами. С восхищением они смотрят на их грузные, как у борцов сумо, тела. Муравьи-цистерны похожи на тучные золотистые фрукты с непрозрачными красными полосами. На самом деле эти фрукты – растянувшийся до предела хитин, а сами муравьи подвешены к потолку головой кверху, животом вниз.

Рабочие снуют туда-сюда: они не столько утоляют голод, сколько просто наслаждаются нектаром.

Иногда даже сама королева Шли-пу-ни приходит сюда полакомиться из этих цистерн. Но ее визиты оставляют равнодушными этих удивительных насекомых, у которых от неподвижного образа жизни выработалась философия инертности. Поговаривают, что их мозг уменьшается. Функция развивает орган, отсутствие деятельности уничтожает его. Так как единственное занятие муравьев-цистерн – наполняться или опустошаться, то понемногу они превратились в бинарные механизмы.

За пределами своего зала они никого не замечают и ничего не понимают. Они рождены в подкасте цистерн и цистернами умрут.

Однако их все же можно сдвинуть с места еще при жизни. Достаточно испустить феромон, означающий «миграция». Муравьи-цистерны – это резервуары, но это подвижные резервуары, они запрограммированы на транспортировку в случае миграции.

Мятежники выбирают несколько цистерн подходящего размера. Приблизившись к их антеннам, они произносят команду «миграция». Огромные насекомые начинают медленно двигаться; отрывая от потолка одну лапку за другой, они спускаются. И тут же мятежники подхватывают их, чтобы насекомые не разбились.

Куда мы идем? – спрашивает один из муравьев-цистерн. *На юг.*

Муравьи-цистерны не спорят и позволяют мятежникам унести себя. Они настолько тяжелые, что мятежникам приходится браться вшестером, чтобы перенести одну из этих фляг. Подумать только, столько усилий и все только ради Пальцев!

Они хотя бы ценят ваши усилия? – спрашивает 103683-й.

Они жалуются, что им мало! – отвечает мятежник. Неблагодарные!

Отряд осторожно спускается на нижние этажи. Вот, наконец, та самая небольшая трещина в гранитном полу. За ней находится зал, откуда с ними будет говорить Доктор Ливингстон.

103683-й вздрагивает. Неужели это так просто – разговаривать с ужасными Пальцами?

Но на этот раз дискуссии не получится. Квартал, как всегда, патрулировался, и внезапно стража погналась за мятежниками. Мятежники в спешке бросают свои цистерны, едва успевая скрыться.

Это мятежники!

Стражник распознал характерный запах, который те считали неуловимым. Летят феромоны тревоги – начинается преследование.

Федеральные воины быстры, но догнать мятежников им все же не удастся. Тогда они устанавливают заграждения, перекрывая ходы, и пытаются согнать их в одно место.

Солдаты следуют по пятам, вынуждая отряд подниматься на верхние этажи. Уровни -40, – 30, – 16, – 14. Они сгоняют своих жертв к какому-то определенному месту. 103683-й догадывается, что это ловушка, но не видит выхода из нее. Ему некуда деваться. Если солдаты не убили его, значит, на то есть причины! И никакого выбора, остается только нестись туда, куда вынуждают?

Мятежников загоняют в зал – здесь полно вонючих клопов, и это приводит их в ужас. Их усики встают дыбом перед ошеломляющим зрелищем!

Во все стороны мечутся самки, их спины покрыты влажными членами, самцы преследуют их, размахивая острыми членами. Чуть дальше самцы-гомосексуалисты совокупляются, образуя длинные зеленые гроздья.

Не успевают мятежники понять, что происходит, как на них набрасываются толпы этих треклятых насекомых. Один из муравьев падает под толстым слоем возбужденных клопов-вонючек. Никто не успевает даже встать на изготовку и защититься выстрелами кислоты. Острые члены клопов протыкают их панцири.

Обезумевший 103683-й отбивается изо всех сил.

Клоп: Из всех форм сексуальности, сексуальная озабоченность пещерных клопов (Cimex lectularius) самая поразительная. Никакое человеческое воображение не сравнится с таким извращением.

Первая особенность – приапизм. Пещерный клоп всегда готов к совокуплению. Некоторые особи имеют более двухсот сношений за день.

Вторая особенность – гомосексуализм и зоофилия. Пещерные клопы с трудом различают себе подобных, а среди себе подобных им еще труднее отличить самку от самца. 50 % их сношений гомосексуальные, 20 % происходят с животными других видов и только 30 % осуществляются с самками.

Третья особенность – острый пенис. Пещерные клопы имеют длинный член с острым кончиком. Этим, похожим на шприц инструментом самцы протыкают панцири и вводят свое семя куда попало: в голову, в живот, в лапки, в спину и даже в сердце своей дамы! Операция ничуть не влияет на здоровье самок, но как же забеременеть в таких условиях? Отсюда...

Четвертая особенность – беременная девственница. Снаружи ее влагалище остается нетронутым, однако она получила удар пениса в спину. Как же сперматозоиды самца выживут в ее крови? Защитная система уничтожит большую часть как вульгарных чужеродных микробов. Чтобы шансы увеличились и хотя бы сотня мужских гамет дошла до цели, количество выбрасываемой спермы просто феноменально. Для сравнения: если бы самцы клопов были размером с человека, они бы извергали по тридцать литров спермы при каждой эякуляции. Из всего этого множества выживет совсем небольшое количество. Спрятавшись в закоулках артерий, скрывшись в венах, они будут дожидаться своего часа. Самка может провести зиму с этими самовольно заселившимися жильцами. Весной все сперматозоиды из головы, лапок, живота устремляются к яйцеклеткам и, пронзая их, входят внутрь. Далее цикл пройдет безо всяких проблем.

Пятая особенность – самки с множеством влагалищ. Из-за того что самцы грубо пронзают их где попало, самки клопов покрыты шрамами в виде коричневых трещин, окруженных светлой зоной. Они похожи на мишени. Таким образом, можно точно сказать, сколько спариваний было у самки.

Природа одобряет это плутовство, изобретая странные адаптации. Постепенно эти изменения достигли невероятного масштаба. Девочки-клопы стали рождаться усеянными коричневыми пятнами со светлым ореолом на спине. Каждое пятно – это вместилище, «дополнительный половой орган», напрямую связанный с основным. Эта особенность существует на всех этапах ее развития: сначала нет шрама, потом появляется от рождения несколько принимающих шрамов и, наконец, настоящие вторичные влагалища на спине.

Шестая особенность – autocosufiage. Что происходит, когда самец пронзен другим самцом? Сперма выживает и привычно направляется в сторону яйцеклеток. Не обнаружив их, она устремляется к семенным протокам нового хозяина и смешивается с его собственными сперматозоидами. Результат: когда пассивный гомосексуалист пронзит даму, он введет в нее не только свои сперматозоиды, но и сперматозоиды самца, с которым у него были гомосексуальные отношения.

Седьмая особенность – гермафродитизм. Природа не перестает ставить

странные эксперименты на своем любимом сексуальном кролике. Самцы клопов также подверглись мутации. В Африке живет клоп *Afroctimex constrictus*, его самцы рождаются с маленькими вторичными влагалищами на спине. Однако они не способны рожать. Похоже, эти влагалища предназначены просто для украшения или же поощрения гомосексуальных отношений.

Восьмая особенность: половой орган, который, как пушка, выстреливает на нужное расстояние. Ими снабжены некоторые виды тропических клопов, *antochorides scolopelliens*. Семявыводящий канал имеет форму огромной гофрированной трубы, в которой жидкая сперма находится в сжатом состоянии. Затем специальные мышцы проталкивают сперму с огромной скоростью и выводят ее из тела. Таким образом, когда самец замечает самку в нескольких сантиметрах от себя, он целится пенисом в мишени-влагалища на спине дамы. Выстрел пронзает воздух. Мощность этих выстрелов такова, что сперма без труда проникает в более хрупкий в этих местах панцирь.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

24. Преследование под землей

Падая, один из мятежников испускает душераздирающий и непонятный крик-запах: Пальцы – наши боги.

Он упал, раскинув лапки, и его распостертое тело напоминало крест с шестью концами.

Один за другим гибнут его товарищи, и вновь 103683-й слышит, что некоторые повторяют одну и ту же странную фразу:

Пальцы – наши боги.

На глазах стражников, которые явно не имеют намерения прекращать казнь, разгоряченные клопы пронзают и насилуют мятежников.

103683-й не собирается умирать так быстро. Не раньше чем он узнает, что означает слово «боги». Охваченный бешенством, он стегает своими усиками сразу штук десять клопов, вцепившихся в его грудь, потом, наклонив голову, врывается в группу солдат. Эффект неожиданности сработал. Воины, увлеченные зрелищем этой кровавой оргии, не успевают преградить ему путь. Однако моментально приходят в себя.

Но 103683-й не новичок и умеет уходить от погони. Он несется по потолку и кончиками широко расставленных усиков обдирает стены. Оттуда падают комья земли. Солдат возводит между собой и преследователями песчаную преграду. Приняв стрелковую позицию, он поражает тех стражников, которым все же удалось пробиться. Но препятствие преодолевает большая группа воинов, и он не успевает прикончить всех. Да и емкость с кислотой теперь почти пуста.

Со всех ног он удирает.

Это мятежник! Остановите его!

103683-й несется по галереям, и, похоже, они ему знакомы. Так оно и есть! Он бежит той же дорогой, только в обратном направлении. Вот он снова в зале цистерн. Ноги сами собой понесли его по той дороге, которую он лучше помнил, потому что недавно прошел по ней в противоположную сторону.

Из лапки сочится кровь. Любой ценой ему надо спрятаться. Спасение на потолке. Он поднимается туда и протискивается между лапками муравья-резервуара. Огромное тело насекомого заслоняет его от ворвавшихся в зал солдат.

Своими антеннами стража зондирует каждый закоулок.

103683-й приподнимает одну из лапок муравья-цистерны, за телом которого прячется.

Что тебе надо? – вяло интересуется тот.

Миграция, – властно приказывает 103683-й. И поднимает вторую, потом третью лапку. Но на этот раз муравья-цистерну не удастся одурачить.

Что, что... Прекрати сейчас же!

Внизу воины заметили лужицу прозрачной крови. Они усиленно ищут его. Капля падает на голову стражнику, и он поднимает усики.

Вот он, я его нашел!

103683-й лихорадочно отрывает от поверхности лапку, и еще одну. Теперь цистерна удерживается только на двух когтях.

Поставь меня на место! – требует цистерна.

Стражник поднимает брюшко и целится в потолок.

Последнюю лапку цистерны 103683-й отрубает ударом мандибулы-сабли. В тот момент, когда солдат стреляет, оранжевая цистерна падает прямо на него. От этого жидкая масса взрывается с удвоенной силой. 103683-й едва успевает отскочить, а живот муравья-цистерны кусками разлетается по всему залу.

Появляется все больше федеральных солдат. 103683-й колеблется. Сколько у него осталось кислоты? Хватит на три выстрела. Он решает отстрелить лапки цистерн.

Лапки трех муравьев-резервуаров отстрелены. Цистерны обрушиваются и взрываются в местах скопления преследователей. Однако одному из них, обляпанному медвяной росой, все же удается выбраться.

У 103683-го теперь не осталось кислоты. Однако он становится в стрелковую позу, надеясь испугать противника, и стоически ожидает жгучего выстрела, который его прикончит.

Но ничего не происходит. Может, другой муравей тоже пуст? Значит, предстоит рукопашная. Сцепленные мандибулы пытаются пронзить хитин.

Покоритель края мира опытнее. Он переворачивает противника, оттягивает его голову назад. Но когда он собирается нанести последний удар, по нему стучит лапка, как будто кто-то просит трофол-лакиса.

За что ты хочешь его убить?

103683-й вращает усиками, определяя источник передачи.

Он сразу узнал эти дружеские флюиды.

Это королева собственной персоной. Его давняя подруга по приключениям, инициатор первой в его жизни одиссеи.

Внезапно его окружили солдаты, готовые к схватке, но королева испускает легкий запах, давая им понять, что этот муравей под ее защитой.

Следуй за мной, – приказывает ему королева Шли-пу-ни.

25. Дело усложняется

Приглашение прозвучало настойчиво:

– Прошу вас следовать за мной.

Под резким светом неонов вытянулись два ряда трупов, у каждого к большому пальцу ноги подвешена бирка. В этом зале пахнет эфиром и вечностью.

Морг Фонтенбло.

– Сюда, комиссар, – приглашает судмедэксперт. Они продвигались между рядами трупов: одни были упакованы в пластиковые чехлы, другие просто покрыты белыми простынями. На каждой бирке имя и краткая запись с датой и обстоятельствами смерти усопшего: 15 марта, убит на улице ударом ножа; 3 апреля, сбит автобусом; 5 мая, самоубийство, выбросился из окна...

Вот три тела, таблички на больших пальцах ног сообщают, что это Себастьян, Пьер и Антуан Сальта, возле них комиссар и судмедэксперт останавливаются.

Мелье заметно нервничал.

– Вы установили причину смерти?

– Более или менее... От сильного потрясения. Я бы даже сказал, чрезмерного.

– Это может быть страх?

– Возможно. Или что-то, что их так потрясло. В общем, стресс, во много раз превышающий все, что можно вообразить. Взгляните на эту запись: у всех троих уровень адреналина в крови превышает норму в десять раз.

Мелье подумал о том, что журналистка оказалась права.

– Значит, смерть наступила от страха...

– Не совсем так, эмоциональный шок – не единственная причина их кончины. Взгляните. (Он положил рентгеновский снимок на светящийся стол.) На рентгене видно, что в их внутренностях множество мелких язв.

– Что могло их вызвать?

– Яд, конечно же, яд, но это яд нового типа. Например, от цианида остается только одна большая язва. А здесь их множество.

– Так каково же ваше заключение, доктор?

– Вам это может показаться странным. Я бы сказал, у их смерти две причины: они умерли от страха и от желудочных и кишечных кровотечений.

Человек в белом халате убрал свои записи и на прощание подал комиссару руку.

– Еще один вопрос, доктор. Скажите, в жизни вы чего боитесь?

Врач вздохнул.

– Я? Я такого насмотрелся. После этого вряд ли меня что-нибудь может затронуть.

Комиссар Мелье распрощался и, засунув в рот жвачку, вышел из морга еще более озадаченный, чем был до того, как вошел туда. Теперь он точно знал, что имеет дело с сильным противником.

*Успех: Из всех представителей планеты Земля муравьи преуспели больше всех. Они занимают рекордное число экологических ниш. Муравьев находят в ледяных пустынях на границе Полярного круга, в экваториальных джунглях, европейских лесах, в горах, карстовых колодцах, на океанских побережьях, вблизи вулканов и в жилищах людей. Пример экстремальной адаптации: чтобы выжить в жаркой пустыне Сахаре, где температура может подниматься до 6 °С, муравей *cataglyphis* выработал уникальную технику выживания. Он передвигается на одной паре ног, ступая на две лапки из шести, чтобы не сгореть на пылающей почве. Он задерживает дыхание, чтобы сохранять влагу и не обезвоживаться. Нет ни единого километра суши без муравьев. Муравей – это особь, которая построила больше всех городов и деревень на поверхности земли. Муравей сумел выжить при любых хищниках и при любых климатических условиях: дожде, жаре, засухе, холоде, влажности, ветре. Последние исследования показали, что треть всей животной биомассы в лесной Амазонке состоит из муравьев и термитов. Причем на одного термита приходится восемь муравьев.*

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

27. Встреча с королевой после долгой разлуки

Плоскоголовые привратники расступаются, уступая дорогу. По деревянным коридорам Закрытого города они идут рядом: 103683-й, солдат, более года назад участвовавший в завершающей атаке Бел-о-кана, и его королева, с которой он не виделся с тех самых пор. Забыла ли она про их давнюю дружбу?

Они входят в королевскую галерею. Шли-пу-ни переделала покои своей матери, обив их красивым бархатом, выделанным из внутренней стороны коры каштана. В центре зала ошеломляющее зрелище – пустое и полупрозрачное тело Бело-кью-кьюни – это их мать!

В мирмекийских анналах это, несомненно, первый случай, когда королева живет рядом с телом своей покойной матери. Той, над которой она взяла верх.

Шли-пу-ни и 103683-й устраиваются в самом центре овальной комнаты. Их антенны наконец сближаются.

Наша встреча не случайна, – говорит королева. Своего элитного солдата она разыскивала давно. Он ей нужен. Она хочет отправить большой поход для истребления всех Пальцев, а также для уничтожения всех их гнезд за западным краем мира. Только 103683-й способен повести рыжую армию в страну Пальцев.

Мятежники сказали правду. Шли-пу-ни и вправду хочет развязать большую войну против Пальцев.

103683-й колеблется. Конечно, он горит желанием снова отправиться на Запад. Но теперь в его теле таится страх, который в любой момент может напомнить о себе. Страх перед Пальцами.

После того похода ему во время зимней спячки снились только Пальцы, эти гигантские розовые шары, пожирающие Города, как мелкую дичь! 103683-й знал, что это такое: тяжелые пробуждения и влажные от страха усики.

Что происходит? – спрашивает королева

Я боюсь Пальцев, которые живут за краем мира.

Что такое боюсь?

Это желание не находиться в ситуации, которой не можешь управлять.

Тогда Шли-пу-ни говорит, что в феромонах Матери она тоже встречала это слово. «Боязнь». В этом феромоне говорится, что когда индивиды не способны понять друг друга – они «боятся» друг друга.

И, как говорила Бело-кью-кьюни, если победить страх перед другим, невозможное становится возможным.

103683-й помнит этот один из столь любимых прежней королевой Бело-кью-кьюни афоризмов. Легким движением правого усика Шли-пу-ни спрашивает: может ли страх сделать солдата неспособным выступить в этот поход?

Нет. Любопытство сильнее страха.

Шли-пу-ни успокаивается. Без опытного давнего друга поход начинать неразумно.

Сколько, по-твоему, понадобится солдат, чтобы истребить все Пальцы на Земле?

Ты хочешь поручить мне уничтожить все Пальцы на Земле?

Да. Разумеется. Шли-пу-ни хочет именно этого. Пальцы необходимо уничтожить, искоренить. Как глупых гигантских паразитов, каковыми они и являются. Взволнованно она расправляет усики. Она абсолютно убеждена: Пальцы представляют опасность не только для муравьев, но и для всех животных, для всех растений, даже для минералов. Она это знает, она это чувствует. Она убеждена в правоте своего дела.

103683-й повинуется. Он быстро производит подсчеты. Чтобы справиться с одним Пальцем,

надо хотя бы пять миллионов хорошо обученных солдат. На Земле, он это точно знает, есть по меньшей мере, по меньшей мере... три стада Пальцев, то есть примерно штук двадцать!

Нужно минимум сто миллионов.

103683-й снова вспоминает огромную черную полосу, на которой ничего не растет. И то, как все исследователи одним махом были расплющены в тончайшие листы в тумане вибраций и дымов углеводорода.

Вот каков он, Западный край мира.

Королева Шли-пу-ни молчит. Она топчется в своем брачном покое, тербит кончиком мандибулы слой пшеницы. Наконец, повернувшись к нему с опущенными усиками, она сообщает, что разговаривала со многими муравьями, пытаясь убедить их в необходимости этого похода. Но у нее нет никакой политической власти. Она только вносит предложения. Решает община. Кроме того, никто из окружающих ее девиц и даже ее сестры не разделяют ее точки зрения. Они боятся повторения войн с муравьями-карликами и термитами. Они не хотят, чтобы поход оставил Федерацию без защиты.

Шли-пу-ни задействовала многих муравьев-агитаторов. Они делали все возможное, королева тоже. Всего им удалось привлечь восемьдесят тысяч бойцов.

Восемьдесят тысяч легионов?

Нет, восемьдесят тысяч солдат. Лично она, королева Шли-пу-ни считает, что этого более чем достаточно. Если же 103683-й считает эту цифру несерьезной, то королева согласна пойти на несколько дополнительных стимулирующих воззваний – могут прибавиться еще от ста до двухсот дополнительных воинов. Но это максимум того, что она сможет получить.

103683-й размышляет. Королева не осознает масштабов задачи! Восемьдесят тысяч солдат для победы над всеми Пальцами Земли – это безумие!

Но его терзает извечное любопытство. Мыслимо ли упустить такую прекрасную возможность? Он пытается успокоить себя. В конце концов, восемьдесят тысяч солдат в его распоряжении – это не такая уж и маленькая экспедиция. Немного смелости – и порядок! Конечно, ему не удастся уничтожить все Пальцы, но зато он гораздо лучше узнает, кто они такие и как функционируют.

Он согласен на восемьдесят тысяч солдат. И все-таки 103683-й хочет задать два вопроса. Зачем этот поход? И откуда это озлобление против Пальцев, ведь ее Мать, Бело-кью-кьюни, так их уважала?

Королева направляется в глубину зала, к выходу в коридор.

Пойдем. Я отведу тебя в Химическую библиотеку.

28. Летиция почти появляется

Шумная прокуренная комната, кругом столы, стулья и кофеварки.

Стук клавиатур, на скамейках валяются грязные типы, стоит ругань; задержанные, вцепившись в решетки своих камер-клеток, кричат, что все было совсем не так и что им необходимо позвонить своему адвокату.

На доске висят фотографии разыскиваемых бандитов, под каждой указана сумма вознаграждения за поимку. Размер от тысячи до пяти тысяч франков. Суммы, конечно, более чем скромные, учитывая, что коммерческая стоимость органических продуктов человеческого тела (почки, сердце, гормоны, кровеносные сосуды и всяческие жидкости) приблизилась бы скорее к семидесяти тысячам франков.

Когда Летиция Уэллс внезапно появилась в комиссариате, все взгляды устремились на нее. Она всегда производила впечатление.

– Будьте добры, где кабинет комиссара Мелье? Мелкий чин в форме тщательно проверил ее документы и только потом указал:

– Идите прямо, его кабинет рядом с туалетом.

– Спасибо.

Едва она вошла, комиссар сразу ощутил укол в сердце.

– Мне нужен комиссар Мелье, – сказала она.

– Это я.

Жестом он предложил ей сесть.

Удивлению его не было предела. Никогда, никогда в своей жизни он не видел такой красавицы. Он покорило множество женщин, но все они и в подметки не годятся Летиции.

Первое, что в ней поражало, – это ее сиреневые глаза. Лицо мадонны, грациозная фигура и все это окутано ароматом духов. Бергамот, ветивер, мандарин, галоксид, сандаловое дерево, все это на капле мускуса каменного Пиренейского барана, – так проанализировал бы химик этот запах. Но Жак Мелье мог только с упоением вдыхать его.

Он наслаждался звуком ее голоса, не разбирая слов. Что она сказала? Он сделал усилие, взял себя в руки. Сколько визуальной, пахучей и звуковой информации переполняет его мозг!

– Благодарю за визит, – пробормотал он наконец.

– Это я вам благодарна за то, что согласились на интервью, вы ведь никого не балуете.

– Нет, нет, я вам очень обязан. Вы открыли мне глаза на это дело. Принимая вас, я лишь воздаю должное.

– Прекрасно. У вас замечательный характер. Вы позволите записать нашу беседу?

– Как вам угодно.

Начался разговор. Они обменивались невинными словами, но он был загипнотизирован белым лицом молодой женщины, ее черными-пречерными волосами, постриженными как у Луизы Брукс, с длинной тяжелой челкой, ее удлиненными, вытянутыми над высокими скулами сиреневыми глазами. Ее сочные губы были слегка подкрашены розовой помадой. Костюм фиолетового цвета выдавал руку шикарного кутюрье. Украшения, манеры – все в ней дышало высшим классом.

– Я могу закурить?

Он кивнул, подвинул пепельницу, и она щелкнула маленькой резной зажигалкой. Прикурила сигарету и выпустила голубое облачко с дурманящим запахом. Затем достала из сумки диктофон и начала задавать вопросы:

– Мне стало известно, что вы все же потребовали вскрытия тел. Это правда?

Он подтвердил.

– Каковы результаты?

– Это был скорее страх, чем яд. В некотором роде, мы оба правы. Лично я думаю, что вскрытие – это не панацея. Оно не в состоянии объяснить нам все.

– Анализ выявил следы яда в крови?

– Нет. Но это ничего не значит: существуют яды, не оставляющие следов.

– Вы обнаружили какие-нибудь улики на месте преступления?

– Никаких.

– Следы взлома?

– Нет.

– Каков, по вашему мнению, мотив преступления?

– Как я уже сообщил в докладе агентству, Себастьян Сальта проигрывал в карты крупные суммы.

– А ваше личное мнение об этом деле? Он вздохнул:

– У меня его нет... Но позвольте и мне спросить вас. Вы, кажется, проводили собственное расследование с учетом психиатрического аспекта?

В ее сиреневых глазах он прочел удивление.

– Bravo, вы прекрасно осведомлены!

– Это моя профессия. Вы узнали, что могло бы напугать трех человек до такой степени, чтобы убить на месте?

Она колебалась:

– Я журналистка. Моя профессиональная задача – собирать информацию у полиции, а не предоставлять ее.

– Ладно, я предлагаю простой обмен фактами, и вы вовсе не обязаны соглашаться.

Она сняла с колена ножку, обтянутую шелковым чулком.

– А от чего вы, комиссар испытываете страх? – Она потянулась к пепельнице, чтобы стряхнуть пепел и пристально посмотрела на него. – А впрочем, не надо отвечать. Это слишком личное. Мой вопрос почти неприличный. Страх – это такое сложное чувство. Страх – это что-то очень сильное, идущее из древности. Он коренится в нашем воображении, поэтому не поддается контролю.

Она глубоко затянулась и потушила сигарету. Потом подняла голову и улыбнулась ему:

– Комиссар, я думаю, что мы находимся перед разрешимой загадкой. Я написала эту статью, потому что я боялась, что вы упустите верное решение. – Она выключила диктофон. – Комиссар, вы не сообщили мне ничего, чего бы мне не было известно. Но я все же вам сообщу вам кое-что новое. – Она поднялась. – Дело братьев Сальта гораздо интересней, чем вы думаете. Скоро в нем возникнут новые и неожиданные повороты.

Он вздрогнул:

– Откуда вы знаете?

– Мне пальчик сказал. – ответила она, растягивая очаровательные губы в загадочную улыбку и прищуривая сиреневые глаза.

Потом она исчезла, гибкая как кошка.

29. Исследование огня

Никогда раньше 103683-й не был в Химической библиотеке. Место действительно поразительное. Насколько хватает глаз, тянутся ряды яиц, наполненных живыми жидкостями. В каждом из них хранятся свидетельства, описания, уникальные идеи.

Они продвигаются между отсеками, а в это время Шли-пу-ни рассказывает. Она узнала, что ее мать, Бело-кью-кьюни, общалась с подземными Пальцами, когда владела Закрытым городом Бел-о-каном. Мать Шли-пу-ни интересовалась Пальцами. Бело-кью-кьюни считала, что они являются самостоятельной цивилизацией. Она подкармливала их, и взамен они рассказывали ей об удивительных вещах. О колесе, например.

Для королевы Бело-кью-кьюни Пальцы были полезными животными. Как же она ошибалась! Теперь у Шли-пу-ни есть тому доказательства. Все свидетели единодушны: Пальцы предали Бел-о-кан огню и таким образом убили Бело-кью-кьюни – единственную королеву, которая стремилась их понять.

Печальная истина – их цивилизация основана на... огне. Вот поэтому Шли-пу-ни не желает общаться с ними, и тем более кормить их. Поэтому она замуровала проход через гранитную плиту. Поэтому она жаждет стереть их с лица Земли.

Многочисленные доклады различных экспедиций подтверждают ту же информацию: Пальцы зажигают огонь, играют с огнем, изготавливают предметы при помощи огня. Муравьи не могут позволить им упорствовать в своем безумии. Это приведет к концу света. Испытание, выпавшее на долю Бел-о-кана, лишь подтверждает это.

Огонь!.. 103683-го передернуло от отвращения. Теперь он понимает одержимость Шли-пу-ни. Все муравьи знают, что такое огонь. Когда-то они тоже открыли для себя этот элемент. Как и люди, случайно. Молния ударила в деревце. Горящая веточка упала в траву. Один муравей подполз к ней, чтобы разглядеть этот кусочек солнца, от которого чернело все вокруг.

Все необычное муравьи стараются притащить в гнездо. Первая попытка закончилась неудачей. Следующие – тоже. Огонь угасал по дороге. Но потом при помощи длинных веточек опытный разведчик сумел донести одну до самого муравейника. Он показал, как можно передвигать эти кусочки солнца. Его собратья ликовали.

Каким чудом казался им огонь! Он давал энергию, свет, тепло. И какие красивые цвета! Красный, желтый, белый и даже голубой.

Это случилось не так давно, всего каких-то пятнадцать миллионов лет назад. Социальные насекомые до сих пор об этом хранят память.

Возникла проблема: пламя горело недолго. Приходилось дожидаться, когда ударит новая молния, но – увы! – она всегда сопровождалась дождем, а он тушил огонь.

Тогда, чтобы защитить пылающее сокровище, у одного муравья появилась идея укрыть его внутри города. Инициатива оказалась разрушительной! Огонь горел дольше, но тут же спалил купола из веточек, вызвав гибель сотен яиц, рабочих и солдат.

Никто не похвалил новатора. Но исследование огня на самом деле только начиналось. Таковы муравьи. Они всегда начинают с наихудшего решения, а потом постепенными исправлениями достигают самого лучшего.

Муравьи долго бились над решением проблемы, связанной с огнем.

Шли-пу-ни раскупоривает феромон памяти, где записаны эти исследования.

Сначала заметили, что огонь очень заразен. Достаточно было к нему приблизиться, чтобы самому загореться. В то же время он был поразительно хрупкий. Простого взмаха крыльев бабочки могло хватить, чтобы от него остался только черный дым, улетающий вверх. Когда

муравьи хотели потушить огонь, самым удобным было вылить на него немного слабоконцентрированной муравьиной кислоты. Изобретательные предшественники, стрелявшие в раскаленные угли слишком мощной струей кислоты, быстро превращались в горелки, а затем и в живые факелы.

Позже, семьсот пятьдесят тысяч лет назад, когда муравьи в своих исследованиях пробовали все подряд (что является их научным подходом), они, как всегда случайно, открыли, что огонь можно «сотворить» не дожидаясь молнии. Как-то один рабочий потер друг о друга два очень сухих листика и увидел, как сначала от них пошел дым, а потом они загорелись. Опыт был повторен и изучен. Отныне муравьи могли зажигать огонь по своей воле.

За этим важным открытием последовал период эйфории. Каждое гнездо почти ежедневно находило новое применение огня. Огнем уничтожали ненужные деревья, крошили самые твердые материалы, согревались его теплом при выходе из зимней спячки, лечили некоторые болезни, и в его свете все выглядело красивей.

Энтузиазма поубавилось, когда огонь начали использовать в военных целях. Теперь четыре муравья, вооруженные длинной горящей веткой, были способны уничтожить вражеский Город с миллионом населения менее чем за полчаса!

Случались и лесные пожары. Муравьи плохо контролировали заразный эффект огня. Малейшего тления при небольшом ветре было достаточно, чтобы разгорелся большой огонь, а выстрелами слабой кислоты муравьи-пожарные уже не могли справиться с пламенем.

С горящего кустарника огонь тут же перекидывался на деревья, с одного на другое, и за день не триста тысяч муравьев, а тридцать тысяч муравейников превращались в кучки черного пепла.

Этот бич не щадил никого: ни самые высокие деревья, ни самых крупных животных, ни даже птиц. На смену восторгам пришло отторжение. Полное. Единодушное. Как далека была радость первых дней! Огонь оказался слишком опасным. Все социальные насекомые заключили соглашение: огонь предали анафеме и наложили на него табу.

Отныне никто не должен был приближаться к огню. Если молния ударит в дерево, то по закону следовало отойти от него. Если начинают гореть сухие веточки, долг каждого – их потушить. Инструкции пересекли океаны. Вскоре все муравьи планеты, все насекомые знали, что от огня надо бежать и ни в коем случае не пытаться завладеть им.

Осталось всего несколько видов мошек и бабочек, которые все еще бросались в огонь. Но все они были светозависимы.

Остальные строго выполняли предписания. И если отдельная особь или же целое гнездо пытались использовать огонь в военных целях, то все виды, от мала до велика, объединялись и уничтожали их.

Шли-пу-ни водрузила феромон памяти на место.

Пальцы продолжали использовать запрещенное оружие и до сих пор используют его в любом своем деле. Цивилизация Пальцев – это цивилизация огня. Значит, мы должны уничтожить ее, пока они не спалили весь лес.

Королева испускает запах твердого убеждения.

103683-й потрясен. По словам Шли-пу-ни, Пальцы – это патологическое явление. Временные обитатели Земли. И конечно же, обитатели эфемерные. Они здесь всего не более трех миллионов лет, и они не задержатся здесь надолго. 103683-й моет усики.

Муравьи обычно не препятствуют представителям различных видов сменять друг друга на поверхности Земли, жить и умирать, то есть они не занимаются их уничтожением специально. Тогда откуда такая позиция?

Шли-пу-ни настаивает:

Они слишком опасны. Мы не можем ждать, когда они сами исчезнут.

103683-й замечает:

Кажется, под Городом есть живые Пальцы.

Если Шли-пу-ни всерьез решила заняться Пальцами, то почему же она не начинает с них?

Королева удивляется, что солдату известна эта тайна. Она начинает оправдываться. Пальцы там, внизу, не представляют угрозы. Они не смогут выбраться из своей ямы. Они в западне. Стоит оставить их умирать от голода – и проблема решится сама собой. Может, сейчас они уже трупы.

Жаль.

Королева поднимает усики:

Почему? Тебе что, нравятся Пальцы? Ты общался с ними во время путешествия к краю мира?

Солдат возражает:

Нет. Но для зоологии это была бы большая потеря: нам не ведомы ни нравы, ни морфология этих гигантских животных. И еще жаль, что, отправляясь в поход, мы почти ничего не знаем о наших противниках.

Королева задета за живое. Преимущество в споре на стороне солдата.

А тут такая возможность! У нас дома в нашем полном распоряжении есть гнездо Пальцев. Так почему бы этим не воспользоваться?

Шли-пу-ни не подумала об этом. 103683-й прав. И в самом деле, эти Пальцы – ее пленники, они вроде клещей, которых она изучает в зоологическом зале.

Помещенные в ореховую скорлупу, клещи для нее – вивариум бесконечно малого. Запертые в пещере, Пальцы – это вивариум бесконечно большого.

На мгновение королева испытывает искушение прислушаться к солдату, спасти последние Пальцы, если они еще живы, хладнокровно управлять своим «Пальцарием» и даже при случае возобновить диалог с ними. Все для науки.

А почему бы их не приручить? Не превратить их в гигантских лошадей? При помощи еды будет легко добиться от них покорности.

Но тут случилось непредвиденное.

Возникнув из ниоткуда муравей-камикадзе бросается на Шли-пу-ни и пытается ее обезглавить. В этом царевубийце 103683-й узнает мятежника, живущего над стойлом скарабеев. Подскочив, 103683-й ударом мандибулы-сабли повергает смельчака, прежде чем тому удастся совершить злодеяние.

Королева остается невозмутимой.

Теперь ты видишь, на что способны Пальцы! Они превратили муравьев с запахом земли в фанатиков, готовых убить собственную королеву. Пойми, 103683-й, мы не должны вступать с ними в разговоры. Пальцы не такие, как остальные животные, они совсем другие. Они слишком опасны. Они даже словом могут погубить нас.

Шли-пу-ни уточняет, что ей известно о существовании мятежников, которые продолжают общаться с агонизирующими под полом Пальцами. Она держит ситуацию под контролем. В ряды мятежников просочились верные ей шпионы, они держат ее в курсе всего, что происходит в Пальцарии. Шли-пу-ни знает, что 103683-й вышел на контакт с мятежниками. Она это одобряет. Таким образом, солдат тоже сможет быть ей полезен.

Поверженный мятежник-убийца из последних сил простонал:

Пальцы – наши боги.

И затих. Он умер. Королева обнюхивает труп.

Что означает слово «боги»?

103683-го тоже мучает тот же вопрос. Королева меряет шагами королевские покои и

повторяет снова и снова, что надо как можно скорее избавиться от Пальцев. Истребить их. Весь их род. В осуществлении этой грандиозной задачи она рассчитывает на своего опытного солдата.

Очень хорошо. Для сбора войск 103683-му понадобится два дня. И – вперед. Держитесь, все Пальцы мира!

30. Божественное послание

Умножьте ваши приношения,
Рискуйте жизнями, жертвуйте собой,
Пальцы важнее, чем королева и расплод.
Никогда не забывайте, что Пальцы – вездесущи и всемогущи.

Пальцы всемогущи, ибо Пальцы – боги.
Пальцы всемогущи, ибо Пальцы – великие.
Пальцы всемогущи, ибо Пальцы – непобедимы.

Такова истина!

Автор этого послания быстро отошел от аппарата, пока никто его не застукал.

31. Второй удар

Каролина Ногар не любила семейные трапезы. Ей не терпелось, чтобы все побыстрее закончилось, чтобы она смогла спокойно приступить к своему «творению».

Вокруг жестикулировали, болтали, передавали блюда, жевали и спорили о проблемах, на которые ей было глубоко наплевать.

– Какая жара! – посетовала ее мать.

– По телевизору тип из прогноза погоды объявил, что это только начало жары. Виной тому загрязнения атмосферы в конце XX века, – завершил отец.

– Это дед виноват. В его время, в девяностых годах, они все изгадили. Их поколение надо отдать под суд, – осмелела младшая сестричка.

За столом их было всего четверо, но и троих вполне хватало, чтобы вывести Каролину Ногар из себя.

– Мы идем в кино. Хочешь с нами, Каро? – предложила мать.

– Нет, спасибо, мама! Мне надо дома поработать.

– В восемь-то вечера?

– Да. Работа важная.

– Как хочешь. Если вместо того, чтобы пойти с нами, ты предпочитаешь сидеть одна и работать в неурочное время – это твое неотъемлемое право.

Сгорая от нетерпения, она закрыла за ними дверь на два оборота. Быстро подбежала к своему чемодану, достала оттуда стеклянный сосуд с гранулами и высыпала их в металлический резервуар, который поставила на горелку Бунсена.

Получилось коричневое пюре. Сначала из него вырвалась струйка воздуха, затем пошел серый дым, и, наконец, разгорелось пламя, поначалу с примесью дыма, а затем яркое, чистое и красивое.

Процедура выглядела несколько архаично, но на этой стадии другой не существовало. Она любовалась своим творением, когда раздался звонок.

На пороге стоял бородатый мужчина с яркими рыжими волосами. Почти красными. Максимилиан Мак'Хариос скомандовал «лежать» двум крупным борзым, которых держал на серебристых поводках, и вместо приветствия спросил:

– Готово?

– Да, работу я закончила дома, но основные операции проводились в лаборатории.

– Прекрасно. Проблем не было?

– Никаких.

– Никто не знает?

– Никто.

Горячую субстанцию цвета охры она слила в бутылку с толстыми стенками и протянула ему.

– Всем остальным я займусь сам. Теперь вы можете отдыхать, – сказал он.

– До свидания.

Заговорщицки кивнув ей, он скрылся в лифте с двумя своими борзыми.

Каролина Ногар снова осталась одна и почувствовала себя освобожденной от тяжелой ноши. Теперь, подумала она, их уже ничто не остановит. Они добьются успеха там, где другие потерпели неудачу.

Она налила себе холодного пива и неторопливо выпила. Потом сняла рабочий халат и накинула розовый пеньюар. На рукаве она заметила крошечную квадратную дырочку. Сейчас

она быстренько зашьет ее. Взяв нитку с иглой, она устроилась перед телевизором.

Передача «Головоломка для ума» уже началась. Каролина Ногар включила свой ящик.

Телестудия.

Тут по-прежнему мадам Рамирез: эта среднестатистическая француженка всегда с какой-то врожденной робостью отвечала на вопросы и рассказывала о логических процессах, которые этому предшествовали.

И ведущий был как всегда в своем репертуаре:

– Как же так, у вас нет ответа? Посмотрите внимательно на доску и скажите телезрителям, на какие мысли вас наводят эти цифры.

– Ну, знаете ли, задача и в самом деле необычная. Это треугольная прогрессия, она исходит из простого единства и восходит к чему-то гораздо более сложному.

– Bravo, мадам Рамирез! Продолжайте идти в том же направлении, и вы найдете ответ!

– Вначале цифра «один». Можно подумать... можно подумать, это почти.

– Телезрители слушают вас, мадам Рамирез! И публика вас поддерживает.

Бурные аплодисменты.

– Ну же, мадам Рамирез! Так что это, по-вашему?

– Священный текст. 1 разделяется и дает две цифры, которые в свою очередь дают четыре цифры. Это как будто.

– Что как будто?

– Прелюдия к рождению. Составные части первичного яйца растут, увеличиваясь сначала вдвое, потом вчетверо, а затем весь процесс еще больше усложняется. Интуитивно эта картина ассоциируется у меня с рождением, с существом, которое появляется, а затем развивается. Это весьма метафизично.

– Точно, мадам Рамирез, точно. Какую превосходную задачу мы вам предложили! Достойную вашей проницательности и оаций публики.

Аплодисменты.

Ведущий попросил тишины:

– И какой закон управляет этой прогрессией? Каков механизм этого рождения, мадам Рамирез?

Раздосадованное лицо кандидатки.

– Я не знаю... Э, я воспользуюсь своим джокером. Ропот разочарования пробегает по залу. Впервые мадам Рамирез терпит неудачу.

– Вы абсолютно уверены, мадам Рамирез, что хотите сжечь один из ваших джокеров?

– А как по-другому?

– Как жаль, мадам Рамирез, после столь безупречного пробега..

– Эта загадка особенная. Она стоит того, чтобы на ней задержаться. Итак, джокер, и вы мне помогаете.

– Прекрасно. Мы дали вам первую фразу: «Чем больше у вас ума, тем меньше у вас шансов найти». Вторая вот такая: «Надо забыть все, что вы знаете».

Снова раздосадованное лицо кандидатки.

– И что это значит?

– А это вам решать, мадам Рамирез! Чтобы помочь, я вам подскажу: вам следует погрузиться вглубь вашего сознания, как это делают во время психоанализа. Упростите его. Освободите механизмы логики от предвзятого мышления.

– Это не легко. Вы советуете мне уничтожить мышление мышлением!

– А! Именно поэтому наша передача так и называется «Головоломка для.

– ума»! – подхватил зал хором. Зрители зааплодировали сами себе.

Мадам Рамирез вздохнула и нахмурилась. Ведущий сделал предупредительный жест.

– Ваш джокер дает вам право на дополнительную строчку.

Он взял фломастер и написал:

1

11

21

1211

111221

312211

Потом добавил:

13112221

Крупным планом лицо мадам Рамирез, она растеряна. Она заморгала. Потом начала бормотать «один», «два», «три», как будто речь шла о рецепте сливового пирога из равных частей муки, масла, сахара и яиц. В особенности соблюдать пропорции «трех». Зато не скупиться на «один».

– Итак, мадам Рамирез, теперь проясняется?

Крайне сосредоточенная, мадам Рамирез не ответила и только промычала «ммммм», означающее «я думаю, на этот раз я найду».

Ведущий проявил уважение к ее размышлению.

– Я надеюсь, вы тоже, дорогие телезрители, внимательно записали нашу новую строчку. Итак, до завтра, если пожелаете!

Аплодисменты. Титры. Барабанная дробь, фанфары и крики.

Каролина Ногар выключила телевизор. Послышался какой-то шум. Она закончила штопку. Прекрасно: не видно ни следа этой гадкой маленькой дырочки. Она убрала нитки и ножницы. Снова шум, как будто мнут бумагу.

В ванной комнате. Вряд ли это мышь. Звук был бы другой, если бы она пробежала по кафельной плитке. Может это взломщик, а может он не один? Но что они делают в ванной комнате?

На всякий случай она взяла из комода маленький 6-миллиметровый револьвер, который держал ее отец на случай подобных обстоятельств. Чтобы застать чужака или чужаков врасплох, она снова включила телевизор, прибавила звук и крадучись направилась к ванной.

Группа рэперов горланила бунтарскую песню.

«Мы сожжем все: ваши дома, ваши бутики, все, все, все, все.»

Сжимая револьвер обеими руками, Каролина Ногар подошла вплотную к двери: она видела, как это делают в американских сериалах. Затем резко ее распахнула.

Никого, но шум нарастал, он раздавался все громче и громче за занавеской душа. Она энергично отдернула ее.

Сначала она глазам своим не поверила. Потом от страха закричала, без толку выпустив все пули из магазина. Потом, едва дыша, попятилась, и ногой захлопнула дверь. К счастью, ключ был с внешней стороны. Она повернула его на два оборота и замерла, находясь на грани истерики.

«Оно» не пройдет через закрытую дверь!

Но «оно» прошло. И даже погналось за ней.

Она стонала, на бегу хватала безделушки и швыряла их в «это нечто». Она отбивалась и ногами, и кулаками. Но что она могла сделать против такого противника?

32. Есть, чему удивляться

Он вычищает голову, обрабатывая ее гребенкой, расположенной на голени.

Теперь 103683-й даже не знает, с кем он.

Он боится Пальцев и. собирается их победить. Он уже готов был поверить в дело мятежников и. вот теперь вынужден их предать. В свое время он дошел до края мира с двадцатью исследователями и... теперь, когда ему дают восемьдесят тысяч, эта цифра кажется ему просто смешной.

Но больше всего его занимает само движение мятежников. Он представлял их хитрыми авантюристами, а столкнулся с полоумными придурками, которые твердят лишнее слово «боги».

Поведение королевы тоже странное. Для муравья она слишком говорлива. Это ненормально. Она хочет истребить все Пальцы, но не дотрагивается до тех, которые живут под ее собственным Городом. Она утверждает, что будущее за изучением видов, и отказывается воспользоваться своим Пальцарием, чтобы проводить опыты на самых экзотических и самых удивительных из них.

Шли-пу-ни не все ему открыла. Мятежники тоже. Ему не доверяют или же пытаются им манипулировать. Он чувствует себя игрушкой королевы, или мятежников, а может быть, и тех и других одновременно.

Он вдруг осознает очевидное: ничего подобного никогда не происходило ни в одном муравейнике на этой планете. Можно подумать, что в Бел-о-кане все лишились разума. У муравьев стали появляться странные мысли, все чаще у них возникает томление духа – словом, они не те муравьи, какими они были раньше. Они мутируют. Мятежники – мутанты.

Шли-пу-ни – мутант. И сам 103683-й, склонный думать о себе как о независимом существе, больше не чувствует себя обыкновенным муравьем. Что же происходит с Бел-о-каном?

Он не способен ответить на этот вопрос, сначала он хочет понять, что движет этими мятежниками, почему они используют эти нелепые выражения.

Что такое «боги»?

И 103683-й опять направляется к стойлам жуков-носорогов.

Культ мертвых: Первый признак, по которому определяется мыслящая цивилизация, – это «культ мертвых».

До тех пор пока люди выбрасывали трупы своих ближних как грязь, они были не больше чем животные. В тот день, когда они начали предавать их земле или сжигать, произошло что-то необратимое. Заботиться о своих мертвецах – это означает представлять себе загробную жизнь – виртуальный мир, который находится над миром видимым. Заботиться об умерших – это значит воспринимать жизнь как этап между двумя измерениями. Из этого вытекают все религиозные представления.

Впервые культ мертвых отмечен в среднем палеолите, семьдесят тысяч лет назад. В ту эпоху некоторые племена людей начали хоронить своих мертвецов в ямах $1,40 \times 1 \times 0,3$ м.

Соплеменники клали покойному в могилу запасы мяса, предметы из кремня и черепа животных, которых он убил. Есть сведения, что эти похороны сопровождалась еще и общей трапезой племени.

Среди муравьев, особенно в Индонезии, были обнаружены некоторые виды, которые продолжали пичкать едой умершую королеву еще долгое время после ее кончины. Это поведение тем более удивительно, что запах олеиновой кислоты, исходящий от умершей, ясно свидетельствовал о ее состоянии.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

34. Человек-невидимка

Комиссар Жак Мелье опустился на колени возле трупа Каролины Ногар. На лице с закатившимися глазами маска ужаса – это свидетельство потрясения и страха.

Он повернулся к инспектору Каюзаку:

– Отпечатков, разумеется, нет?

– Увы. И на этот раз: ни ран, ни орудия убийства, ни следов взлома, ни улики. В общем, темный лес!

Комиссар достал жвачку.

– Дверь, разумеется, была заперта, – сказал Мелье.

– Три замка заперто, два открыто. Кажется, в момент смерти, она что-то делала с одной из задвижек бронированной двери.

– Надо выяснить, что она делала: открывала или закрывала ее, – заметил Мелье. – Он наклонился и внимательно взгляделся в положение рук. – Открывала! – воскликнул он. – Убийца находился внутри, и она пыталась бежать... Ты первым прибыл сюда, Эмиль?

– Как всегда.

– Мухи тут были?

– Мухи?

– Да, мухи. Дрозофилы, если тебе угодно!

– Ты об этом уже спрашивал в квартире братьев Сальта. Почему тебя это так интересует?

– Мухи – это очень важное звено! Они отличные информаторы для детектива. Один из моих преподавателей утверждал, что все дела он раскрывает, всего лишь изучая поведение мух.

На лице инспектора появилось скептическое выражение. Очередной из этих дурацких трюков, которым обучают в новых полицейских школах! Каюзак был приверженцем старых добрых методов, но тем не менее ответил:

– Ну да, я помню, как было у братьев Сальта, и на этот раз проследил, чтобы окна не открывали, и, если мухи были, они все еще здесь. Только с чего ты на них заикнулся?

– Мухи – это главное. Если они есть – значит, где-то есть проход. Если их нет – значит, квартира герметически закрыта.

Оглядываясь по сторонам, комиссар, наконец, заметил муху в углу, на белом потолке.

– Смотри, Эмиль! Ты видишь ее, вон там? Муха, как будто смущенная чужими взглядами, взлетела в воздух.

– Она укажет нам воздушный коридор! Смотри, Эмиль. Маленькая щелка над окном, наверное, в этом месте она и пролезла.

Муха резко изменила направление и опустилась на кресло.

– Теперь я уверен, это зеленая муха. То есть муха второй когорты.

– Это еще что за жаргон? Мелье объяснил:

– Когда человек умирает, на него слетаются мухи. Но не всякие мухи и не абы когда. Круговорот неизменный. Обычно сначала высаживаются синие мухи (*calyphora*), мухи первой когорты. В течение первых пяти минут после смерти. Они любят теплую кровь. Если участок тела кажется им благоприятным, они откладывают яйца и улетают, как только от трупа начинает исходить запах. Их тут же сменяет вторая когорта – зеленые мухи (*muscina*). Эти предпочитают мясо с легким душком. Они едят, откладывают яйца, потом уступают место серым мухам (*sarcophaga*) – мухам третьей когорты, которые любят еще более ферментированное мясо. Наконец настает черед сырных (*piophila*) и жировых мух (*ophira*). Таким образом, на теле сменяется пять команд. Каждая берет свою часть и оставляет

нетронутой часть других.

– Какое малюсенькое тельце, – с отвращением вздохнул инспектор.

– Смотря для кого. Одного трупа хватит, чтобы попотчевать несколько сотен мух.

– Прекрасно. Но какое это имеет отношение к нашему расследованию?

Жак Мелье вооружился светящейся лупой и принялся рассматривать уши Каролины Ногар.

– Внутри раковины кровь и яйца зеленых мух. Очень интересно. Вообще-то тут должны быть и личинки синих мух. Значит, первой когорты не было. Это уже ценная информация!

Инспектор начал осознавать пользу от наблюдения за мухами.

– А почему их не было?

– Потому что кто-то, возможно убийца, оставался возле трупа в течение пяти минут после смерти. Синие мухи не посмели приблизиться. Потом тело начало ферментировать, и оно их больше не интересовало. Тогда примчались зеленые. А вот им уже ничего не мешало. Значит, убийца оставался пять минут, не больше, а затем удалился.

Такое рассуждение поразило Эмиля Каюзака. Мелье выглядел озадаченным. Он ломал голову: что же могло помешать синим мухам приблизиться?

– Можно подумать, мы имеем дело с Человеком-невидимкой.

Каюзак замолчал. Как и Мелье, он услышал шум в ванной комнате.

Они побежали туда. Раздвинули занавески душа. Ничего.

– Да, будто и в самом деле Человек-невидимка. Мне кажется, что он все еще здесь.

Он вздрогнул.

Мелье задумчиво работал челюстями, гоня во рту жвачку.

– Он не смог бы войти и выйти, не открывая дверей или окон. Твой человек не только невидим, он еще и проходит сквозь стены! – Он обернулся к жертве, и посмотрел на ее искаженное от страха лицо. – . И страшный. Чем занималась эта Каролин Ногар? На нее есть что-нибудь в досье?

Каюзак просмотрел несколько бумаг в папке с именем покойной.

– Никакого приятеля. Никаких ссор. У нее не было врагов, которые бы ненавидели ее так, что хотели убить. Она была химиком.

– Она тоже? – удивился Мелье. – А где работала?

– В Компании общей химии.

Они оторопело уставились друг на друга. КОХ – Компания общей химии, предприятие, где работал Себастьян Сальта!

Наконец у них появился общий знаменатель, который не мог быть простой случайностью. Наконец-то след.

35. Бог – это такой запах

Это здесь.

Солдат узнает запахи, которые позволяют ему найти тайное убежище мятежников.

Мне нужны объяснения.

Мятежники окружают 103683-го. Они могли бы с легкостью убить его, но они не нападают. Что такое «боги»?

Роль оратора снова берет на себя хромой.

Он признается, что они не все рассказали солдату, но подчеркивает: уже одно то, что ему открыли существование мятежного движения, говорит о высокой степени доверия. Тайную организацию преследуют все стражи Стаи, так что они не могут доверять первому встречному!

Хромой шевелит усиками, выражая откровение.

Он объясняет, что сейчас в Бел-о-кане происходит нечто важное для их Города, для всех Городов, даже для всего их вида. Успех или провал движения мятежников – это поражение или победа целых тысячелетий эволюции всех муравьев в мире. В такой ситуации жизнь для них ничего не значит. От каждого необходимо самопожертвование, от каждого требуется соблюдение строжайшей тайны. Тут хромой отмечает, что роль 103683-го здесь очень важна. И сожалеет, что не все ему доверил. Он готов исправить эту оплошность.

В центре зала два муравья торжественно подходят к 103683-му для совершения церемонии полного контакта. Благодаря полному контакту муравей видит, чувствует и сразу понимает все, что на уме у собеседника. Рассказ теперь не просто передается и принимается: он переживается двумя муравьями одновременно.

103683-й и хромой соединяют свои антенны. Это сродни тому, как если бы одиннадцать ртов вошли в прямой контакт. Теперь они становятся единым насекомым с двумя головами.

Хромой вливает свою историю.

В прошлом году, когда большой пожар опустошил Бел-о-кан и погубил королеву Бело-кью-кьюни, муравьи с запахом земли утратили смысл жизни. Им пришлось спасаться от страшных облав – их устраивала новая правительница Шли-пу-ни. Тогда муравьи с запахом земли вынуждены были уйти в подполье, они укрылись в этой берлоге. Потом они заново пробили проход в гранитном полу, они похищали еду и кормили Пальцев, но, главное, теперь они продолжают диалог с их представителем – Доктором Ливингстоном.

Поначалу все шло хорошо. Доктор Ливингстон передавал простые послания: «Мы хотим есть», «Почему королева отказывается говорить с нами?» Пальцы были в курсе положения мятежников и тщательно планировали операции их отрядов, чтобы, не привлекая внимания, они могли красть пищу. Пальцам требуется огромное количество еды, а доставлять ее и при этом оставаться незамеченными было нелегко!

Все это были вполне естественные разумные послания. Но однажды Пальцы передали послание совсем другого рода. Это краткое обращение со странным запахом уверяло, что муравьи недооценивают Пальцы, что Пальцы до сих пор молчали об этом, но на самом деле они являются богами муравьев.

«Боги»? Что означает это слово? – спросили мы.

Пальцы объяснили нам, что значит боги. По их мнению, это животные, которые сотворили мир. Все живое – это их «творение».

В полный контакт вклинивается третий муравей. В запале он провозглашает:

Боги создали все, они всемогущи, они вездесущи. Они всегда видят нас. Реальность, которая нас окружает, – всего лишь иллюзорная мизансцена богов, чтобы нас познать.

Когда идет дождь – это боги льют воду.
Когда жарко – это боги усилили жар солнца.
Когда холодно – они его уменьшили.
Пальцы – наши боги.

Хромой объясняет смысл этого странного изречения. Без божественных Пальцев в мире якобы ничего не существовало. Муравьи – их творение. Им отводится роль сражаться в этом рукотворном мире, созданном Богами ради забавы.

Вот что сказал в тот день доктор Ливингстон.

103683-й поражен. Почему в таком случае Пальцы умирают от голода под полом Города? Почему они остаются пленниками под землей? Почему Пальцы позволяют муравью подняться в поход против них?

Хромой признает, что в речах Доктора Ливингстона имеются белые пятна. Зато их главная ценность в том, что они объясняют, почему существуют муравьи, почему мир такой, какой он есть.

Откуда мы, кто мы, куда идем? Концепция «богов» дает ответ на все эти вопросы.

Как бы там ни было, семя было брошено. Этот первый «действительный» монолог привлек внимание одних мятежников, других же сильно заинтересовал. Дальше опять последовали самые обычные сообщения, в которых не упоминалось ни о каких «богах».

Мы перестали думать об этом, но через несколько дней сенсационное «действительное» слово еще громче задрожало на усиках Доктора Ливингстона. Он снова вещал о вселенной, контролируемой Пальцами, утверждал, что на свете нет ничего случайного, и что все, что происходит тут, внизу, было намечено и предписано. И что те, кто не согласен чтить «богов» и кормить их, будут наказаны.

У 103683-го от удивления антенны встали дыбом. Никогда его воображение, весьма богатое по муравьиным меркам, не могло докатиться до такой фантастики: гигантские животные контролируют мир и следят за каждым обитателем в отдельности.

Но он продолжает слушать рассказ хромого.

Мятежники быстро поняли, что Доктор Ливингстон имел два совершенно противоположных голоса. Когда он говорил о богах, то звал муравьев-дейстов, а остальные уходили. Когда же он говорил на «обычные» темы, уходили дейсты. Внутри общины мятежников постепенно наметился раскол. Появились дейсты и недеисты, но принципиальных разногласий между ними не возникало. Даже несмотря на то, что недеисты считали поведение дейстов совершенно неразумным и чуждым муравьиной культуре.

103683-й отпускает хромого. Он чистит усики и спрашивает у стоящих в стороне:

Кто из вас дейсты?

Один муравей подходит.

Меня зовут 23-й, и я верю в существование всемогущих богов.

Хромой тихонько шепчет, что дейсты твердят подобные фразы, хотя зачастую не понимают их смысла. Но это несколько их не смущает, даже наоборот. Чем больше непонятных слов, тем охотнее они их повторяют.

103683-й не понимает, как этот Доктор Ливингстон может одновременно являться двумя совершенно разными личностями.

Может быть, это и есть великая тайна Пальцев, отвечает хромой. Их дуальность. У них простое соседствует со сложным, повседневные феромоны с абстрактными посланиями.

Он добавляет, что сейчас дейсты в меньшинстве, но численность их партии постоянно

растет.

Подбегает молодой муравей, он тащит кокон бабочки, который 103683-й закопал перед входом в стойло.

Это твое, да?

103683-й подтверждает и, протягивая усики к вновь прибывшему, спрашивает:

А ты? Кто ты? Деист или недеист?

Молодой муравей робко склоняет голову. Он знает, что к нему обращается знаменитый и опытный солдат. Он оценивает серьезность того, что скажет. Однако слова вырываются вдруг из самого глубокого из трех мозгов:

Меня зовут 24-й. Я верю в существование всемогущих богов.

Мысль: Человеческой мысли подвластно все.

В 50-х годах английское судно-контейнеровоз, перевозящее бутылки с мадерой из Португалии, разгружается в шотландском порту. В холодильный отсек зашел моряк, чтобы проверить, все ли в порядке. Не заметив его присутствия, другой моряк запирает дверь снаружи. Пленник изо всех сил стучит по стенам, но его никто не слышит – и корабль отплывает обратно в Португалию.

Продуктов у мужчины достаточно, но он знает, что в этом холодильнике он не сможет долго прожить. Однако он находит в себе силы и куском железки царапает на стене рассказ о своей голгофе день за днем, час за часом. О том, как он цепенеет от холода, как замерзает его нос, как пальцы на руках и ногах становятся хрупкими, как стекло. Он описывает, какие нестерпимые ожоги остаются от морозного воздуха. О том, как постепенно все его тело целиком превращается в глыбу льда.

Корабль бросает якорь в Лиссабоне, и капитан, открыв контейнер, находит мертвого матроса. На стенах он читает поминутный репортаж о его ужасных страданиях.

Однако самое удивительное не в этом. Капитан отмечает температуру внутри контейнера. Термометр показывает +19 С. Поскольку товара не было, на обратном пути систему охлаждения не включали. Человек умер только потому, что думал, будто ему холодно. Он стал жертвой своего собственного воображения.

Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том II

37. Миссия Меркурий

Я хотел бы видеть Доктора Ливингстона. Желание 103683-го не может быть исполнено. Мятежники усиленно изучают его своими усиками. Ты нужен нам для другого.

Хромой поясняет. Вчера, когда солдат был у королевы, группа мятежников спустилась по проходу под гранитным полом. Они встретились с Доктором Ливингстоном и сообщили ему о предстоящем походе против Пальцев.

Этот Доктор Ливингстон рассуждал как деист или как? – спрашивает 103683-й.

Нет. Он был разумный и конкретный, говорил о простых и понятных вещах в пределах досягаемости всех усиков. Но как бы то ни было, Доктор Ливингстон и Пальцы, которые объясняются через него, не испугались, узнав, что на край мира отправляется армия для уничтожения всех Пальцев. Напротив, они с радостью восприняли эту новость и даже сказали, что эту уникальную возможность нельзя упускать.

Пальцы долго думали. Потом Доктор Ливингстон передал мятежникам приказ, они поручили муравьям миссию, которую назвали «миссия Меркурий». Миссия настолько будет связана с походом на Запад, что это практически станет единой целью.

Поскольку войска Бел-о-кана возглавишь ты, ты сможешь лучше других осуществить миссию Меркурий.

103683-й осознает свою ответственность.

Внимание! Оцени важность того, что тебе предстоит выполнить. Миссия Меркурий может изменить облик вселенной.

38. Внизу

– Ты думаешь, миссия Меркурий осуществима? Августа Уэллс изложила свой план муравьям.

Изуродованной ревматизмом рукой старая дама провела по лбу и вздохнула:

– Господи, только бы этот маленький рыжий муравей дошел до цели!

Все молча смотрели на старуху. Кто-то заулыбался. Они были вынуждены довериться этим муравьям-мятежникам. Они не знают имени муравья, которому поручили миссию Меркурий, но все молятся, чтобы его не убили.

Августа Уэллс прикрыла глаза. Уже год, как они здесь внизу, на многометровой глубине под землей. Как бы стара она ни была, она помнит все.

Ее сын, Эдмон, после смерти своей жены поселился в доме 3 по улице Сибаритов, в двух шагах от леса Фонтенбло. Через несколько лет он тоже умер, оставив письмо своему наследнику – племяннику Джонатану. Странное послание с единственной фразой: «Никогда не спускайся в подвал».

Теперь Августа Уэллс близка к мысли, что это была самая действенная агитация. В конце концов, добился же Пармантье распространения картошки, которой никто не хотел заниматься: высадил ее на огороженном поле, окруженном табличками «Вход строго запрещен». В ту же ночь воры растащили драгоценные клубни, и столетие спустя жареная картошка стала основным блюдом мировой кухни.

Именно поэтому Джонатан Уэллс и спустился в запретный подвал. Оттуда он не вышел. На его поиски отправилась его жена Люси. Потом сын Николая. Потом, по приказу инспектора Жерара Галена, пожарные. Потом полицейские во главе с комиссаром Аленом Билшеймом. Наконец она сама, Августа Уэллс, в компании Джейсона Брейгеля и профессора Даниэля Розенфельда.

Итого восемнадцать человек устремились по бесконечной винтовой лестнице. Все они боролись с крысами, сумели разгадать загадку шести спичек, из которых составили четыре треугольника. Они прошли через ловушку, сжимающую тело, как при рождении. Они проникли в люк. На подсознательном уровне они преодолели свои детские страхи – измождение, угроза смерти.

В конце долгого похода они попали в подземный храм, построенный в эпоху Возрождения под широкой гранитной плитой, на плите находился муравейник. Джонатан показал им тайную лабораторию Эдмона Уэллса. Он представил им доказательства гениальности своего старого дяди, в том числе его машину под названием «Пьер де Розетт», позволяющую понимать пахучий язык муравьев и разговаривать с ними. Трубками машина соединялась с зондом – своего рода пластиковым муравьем, который являлся одновременно микрофоном и мегафоном. Этот зонд под названием Доктор Ливингстон служил послом для муравьиного населения.

При помощи этого посредника Эдмон Уэллс разговаривал с королевой Бело-кью-кьюни. Им не довелось долго разговаривать, однако этого хватило, чтобы понять, насколько эти две великие параллельные цивилизации еще не готовы к сотрудничеству.

Джонатан принял эстафету от своего дяди и увлек своей страстью всю группу. Он говорил, что они подобны космонавтам на космическом корабле, которые пытаются общаться с инопланетянами. Он утверждал: «То, что мы делаем, может оказаться самым потрясающим экспериментом нашего поколения. Если нам не удастся наладить диалог с муравьями, то это не удастся ни с какой другой формой мышления, земной или неземной».

Он оказался прав. Но какой толк оказаться правым, если это преждевременно? Подземная

утопическая община не долго останется совершенной. Они атаковали высокие рубежи – а остановили их проблемы самые тривиальные.

Однажды пожарный резко упрекнул Джонатана:

– Может быть, мы и похожи на космонавтов в капсуле, но они бы выкрутились, взяв равное количество мужчин и женщин. Однако нас здесь пятнадцать мужиков в расцвете лет, а женщина у нас только одна. Не считая старухи и мальчишки!

Ответ Джонатана Уэллса прозвучал резко, как выстрел:

– У муравьев всего одна самка и больше, чем на пятнадцать самцов.

Над этим предпочли посмеяться.

Они не очень хорошо представляли, что происходит наверху, в муравейнике, знали только то, что королева Бело-кью-кьюни мертва, а та, что пришла ей на смену, не хочет даже слышать о них. Она дошла до того, что перекрыла им доставку пищи.

Они остались без диалога и без пищи, эксперимент быстро превратился в ад. Восемнадцать голодающих людей, заточенных в подземелье, – это ситуация, которой управлять нелегко.

Это комиссар Ален Билшейм первым обнаружил пустой «ящик для даров» однажды утром. Они переключились на собственные запасы – в основном это были грибы, они научились выращивать их здесь, под землей. Хорошо еще, что не было недостатка в свежей воде (благодаря подземному источнику) и в воздухе (благодаря воздушным колодцам).

Но воздух, вода и грибы – что это за пост!

В итоге полицейский не выдержал. Он требовал мяса, красного мяса. Он настаивал, чтобы тянули жребий и выбрали того, чья плоть послужит свежим мясом для других. И он не шутил!

Августа Уэллс до сих пор помнит эту жуткую сцену, как будто она произошла вчера.

– Я хочу есть! – вопил полицейский.

– Но больше нет никакой еды.

– Есть! Мы! Мы съедобны. Несколько человек, выбранных по жребию, должны принести себя в жертву, чтобы другие выжили.

Джонатан Уэллс поднялся.

– Мы не животные. Только животные едят друг друга. Мы же люди, люди!

– Никто не делает из тебя каннибала, Джонатан. Мы будем уважать твое мнение. Но если ты отказываешься есть человека, ты сам можешь, по крайней мере, послужить едой.

Полицейский сделал знак одному из своих коллег. Они вместе схватили Джонатана и попытались его оглушить. С помощью кулаков тому удалось вырваться. В драку вмешался Никола Уэллс.

Потасовка набирала мощь. Противники и сторонники каннибализма разделились на лагеря. Вскоре дрались все и пролилась кровь. Отдельные удары имели цель убить жертву. Любители человеческого мяса вооружились осколками бутылок, ножами, поленьями, чтобы достичь своей цели. Даже Августа, Люси и маленький Никола разозлились: они царапались, бились и ногами, и кулаками. В какой-то момент даже бабушка укусила кого-то за руку, когда та оказалась в пределах досягаемости, но ее вставная челюсть тут же сломалась.

Замурованные на многометровой глубине под землей, они дрались с остервенением загнанных зверей. Заприте восемнадцать кошек в ящике размером в один квадратный метр на месяц и, может быть, тогда вы увидите жестокость той драки, в которой участвовала группа утопистов, решившая продвинуть человечество вперед.

Без полиции и свидетелей их ничего не сдерживало.

Был один погибший. Пожарный пал, он стал жертвой ножевого ранения. Присутствующие мгновенно отрезвели, прекратили драку и взирали на содеянное. Никому и в голову не пришло съесть покойного.

Умы утомились. Профессор Даниэль Розенфельд положил конец спору:

– Как низко мы пали! В нас по-прежнему жив первобытный человек и не надо копать глубоко, чтобы слетел налет вежливости и наружу полезли низменные инстинкты. Пять тысяч лет цивилизации – этого мало. – Он вздохнул. – Муравьи смеялись бы над нами, если бы увидели, как мы теперь убиваем друг друга за еду!

– Но... – попытался возразить полицейский.

– Замолчи, личинка! – загремел профессор. – Ни одно общественное насекомое, даже таракан, не посмеет вести себя так, как мы. Мы принимаем себя за жемчужину творения, да это просто смешно. Группа лиц, которая должна предвосхищать человека будущего, ведет себя, как стая крыс. Посмотрите на себя, вы видите, что стало с вашим человеческим обликом.

Все молчали. Взгляды снова остановились на бездыханном теле пожарного. Ни одного слова больше не было произнесено, но все принялись рыть могилу в углу церкви. Его закопали, прочитав короткую молитву. Жестокость остановило только ее крайнее проявление. Они забыли о потребностях желудка, зализали свои раны.

– Я ничего не имею против хорошего урока философии, но все-таки хотелось бы знать, что нам делать, чтобы выжить, – поинтересовался инспектор Жерар Гален.

Идея питаться ближним была, конечно, первобытной, но что же делать, чтобы выжить? И наконец предложил:

– А если мы все одновременно покончим с собой? Мы избавим себя от страданий и унижений, на которые нас обрекла новая королева Шли-пу-ни.

Предложение не вызвало энтузиазма. Гален разбушевался:

– Но, черт побери, почему муравьи так злобно повели себя с нами? Мы – единственные из людей, кто захотел с ними разговаривать, да еще и на их языке, и вот как они нас отблагодарили. Бросили нас подыхать!

– О, в этом нет ничего удивительного, – сказал профессор Розенфельд. – В Ливане в эпоху, когда брали заложников, похитители убивали в первую очередь тех, кто говорил по-арабски. Они боялись, что их поймут. Может быть, эта Шли-пу-ни тоже боится, что ее поймут.

– Нам обязательно нужно найти способ выбраться отсюда, не пожирая друг друга и без коллективного самоубийства! – воскликнул Джонатан.

Они замолчали и поразмыслили на полную мощь ума, которую им позволяли их алчущие животы. Потом вмешался Джейсон Брейгель:

– Мне кажется, я знаю, что делать. Вспоминая об этом, Августа Уэллс улыбается. Он и в самом деле знал.

**Второй аркан:
Подземные боги**

39. Подготовка

Ты знаешь, что с ними делать?

Муравей не отвечает.

Ты знаешь, что надо делать, чтобы убить хотя бы один Палец? – выпрашивает любопытный.

Понятия не имею.

Повсюду в Городе солдаты готовятся к большому крестовому походу против Пальцев. Пехотинцы натачивают мандибулы. Артиллеристы наполняют себя кислотой.

Легконогие пехотинцы, которых можно назвать кавалерией, укорачивают волоски на лапках: это уменьшит сопротивление воздуха, когда они бросятся вперед, сея смерть и разрушение.

Все говорят только о Пальцах, о крае мира и о новшествах в тактике ведения боя, которые помогут им уничтожить монстров.

Поход воспринимают как опасную, но захватывающую охоту.

Какой-то артиллерист упился жгучей 60-процентной кислотой. Яд такой концентрированный, что кончик его живота задымился.

Этим мы отделаем всех Пальцев! – утверждает он.

Промывая свои усики, старый солдат уверяет, что уже доходил до края земли, и высказывает свое мнение:

Не так страшны эти Пальцы, как о них говорят.

На самом же деле никто толком не знает, как вести себя с Пальцами. Если бы Шли-пу-ни не объявила этот поход, большинство белоканцев продолжали бы думать, что на самом деле Пальцев не существует и рассказы о них – всего лишь легенды.

Некоторые солдаты утверждают, что их поведет сам 103683-й, – исследователь, дошедший до края мира. Войска рады такому опытному предводителю.

Маленькими группками они направляются в зал с цистернами и наполняются сладкой энергией. Воины не знают, когда будет дан сигнал выступить, но все готовы, и готовы хорошо.

Около десятка солдат-мятежников незаметно смешиваются с вооруженной толпой. Они ничего не говорят, но старательно улавливают феромоны, витающие в залах. Их антенны постоянно дрожат.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)